

БУНИН И ГОРЬКИЙ

1899—1918 гг.

Статья А. А. Нинова

Среди заметок Горького о литературе есть страничка, посвященная Бунину и его повести «Суходол». Заметка эта, по всей вероятности, является наброском статьи, так и не написанной Горьким.

«В „Суходоле“ Бунин, как молодой поп, с подорванной верою в бога, отслужил панихиду по умершему сословию своему и, несмотря на гнев, на презрение к бессильным скончавшимся, отслужил все-таки с великой сердечной жалостью к ним. И — к себе, конечно, и к себе.

Талантливейший художник русский, прекрасный знаток души каждого слова, он — сухой, „недобрый“ человек, людей любит умом, к себе — до смешного бережлив. Цену себе знает, даже несколько преувеличивает себя в своих глазах, требовательно честолюбив, капризен в отношении к близким ему, умеет жестоко пользоваться ими.

Сколько интересного можно рассказать о нем!»¹

Слова эти были сказаны в то время, когда все личные отношения между Горьким и Буниным были прерваны, и политический разрыв, болезненный и тяжелый для обоих, омрачил их старую, почти двадцатилетнюю дружбу. Исторически объективная оценка великолепного таланта Бунина была подтверждена Горьким в противовес всем отрицательным сторонам характера человека, которого он хорошо знал и о котором мог судить без всяких иллюзий.

Обращаясь к Вересаеву, Горький однажды признался: «...хотя шума я возбуждал нередко больше, чем вы, но ведь вам известно, что шум-то этот дешево стоит и, право, никогда не оглушал меня. И не путал моих симпатий. К Андрееву, к Бунину я был ближе, чем к вам, часто видел их, жил с ними, но, проверяя мои симпатии, чувствовал вас яснее, чем их»².

Это признание говорит о многом. Оно, в частности, бросает особый свет на историю многолетних отношений Горького и Бунина, отношений непростых, противоречивых и далеко еще не исследованных во всем своем значении и конкретных деталях. В этих отношениях никогда не было того естественного созвучия общественных симпатий и социальных устремлений, которые объединяли Горького и Вересаева и закономерно привели их в ряды советских писателей. Дружба Горького и Бунина не знала той интимности и одновременно тех резких личных конфликтов, того незатихающего спора, той пристрастности во взглядах, которые еще до Октябрьской революции разделили Горького и Леонида Андреева. И тем не менее отношения Горького и Бунина оставили глубокий след в судьбе обоих писателей. Бунин имел веские основания написать в 1910 г. Горькому: «Жизнь своенравна, изменчива, но есть в человеческих отношениях минуты, которые не забываются, существуют сами по себе и после всяческих перемен. Мы в отношениях, во встречах с вами чувствовали эти минуты, — то настоящее, чем люди живы и что дает незабываемую радость»³.

И в стихах и в прозе Бунин оставался верен традициям реалистической литературы. Конечно, по широте охвата жизни Бунин-прозаик не идет ни в какое сравнение ни с Толстым, у которого он жадно учился и влияние которого испытывал на себе, ни с Чеховым, чье искусство оказало несомненное воздействие на стиль бунинской прозы⁴, ни с Горьким, поднявшимся на гребне литературной славы в те же годы, когда появились первые книги Бунина. Великое многообразие типов русской жизни конца XIX в., целые пласты социальных отношений эпохи остались за пределами бунинских произведений. Но одна область этих отношений была исследована

Буниным с величайшей тщательностью и знанием дела: гибель, конец патриархальных отношений в деревне, — в деревне барской и деревне мужицкой. До самой Октябрьской революции эта социальная проблема оставалась одной из наиболее острых. И на ее анализе крепло мастерство Бунина.

Ощущение разрыва традиционных родовых и семейных связей, чувство социального и личного одиночества, катастрофической неустойчивости бытия, господства загодичных, враждебных человеку внешних сил, фатальный разлад с историей и ее движением — все это в высшей степени характерно для мироощущения Бунина и лежит в основе ведущих тем его творчества. В распадающемся, отмеченном печатью тления мире лишь природа выступает для него как неизменное, прочное, вечно возобновляющееся начало. Она — последний оплот того естественного, здорового, свободного от скверны общественных противоречий бытия, которое рушилось на его глазах вместе с уходящей поэзией патриархального существования.

Подробности литературных отношений Бунина и Горького имеют не только биографический интерес. Осмысленные в общей исторической перспективе, они составляют важнейшую страницу истории русской литературы, русского реализма XX в. Творческие результаты этих отношений значительно глубже, чем это принято было считать⁵. Писательские интересы Горького и Бунина нередко скреплялись на узловых проблемах литературного движения эпохи. И сколь бы ни были разным угол зрения писателей на эти проблемы, как бы ни расходились их ответы на тревожные вопросы русской жизни, самый факт пристального внимания к этим вопросам поддерживал их глубокий интерес друг к другу.

1

Первая встреча Горького с Буниным состоялась в начале апреля 1899 г. на набережной Ялты. Познакомил писателей Антон Павлович Чехов. «Чуть не в тот же день, — вспоминал через много лет Бунин, — между нами возникло что-то вроде дружеского сближения, с его стороны несколько сентиментального, с каким-то застенчивым восхищением мною:

— Вы же последний писатель от дворянства, той культуры, которая дала миру Пушкина и Толстого!»⁶.

К моменту встречи с Горьким Бунин уже был достаточно известен в литературных кругах. Его сборник рассказов «На край света» (1897), книга стихов «Под открытым небом» (1898), перевод «Песни о Гайавате» (1896, третье издание — 1899), участвовавшие публикации в столичных журналах свидетельствовали о незаурядном, быстро крепнущем таланте.

Знакомство с творчеством Бунина не оставило Горького равнодушным. В письме к Чехову 29 апреля 1899 г. он так формулировал свое первое впечатление от бунинских стихов и прозы: «Стал читать рассказы Бунина. Порой у него совсем недурно выходит, но замечаете ли вы, что он подражает вам? „Фантазер“, по-моему, написан под прямым влиянием вашим, но это нехорошо выходит. Вам и Мопассану нельзя подражать. Но у этого Бунина очень тонкое чутье природы и наблюдательность есть. Хороши стихи у него — наивные, детские и должны очень нравиться детям»⁷.

После первой встречи в Ялте между Горьким и Буниным завязалась оживленная переписка. Получив в подарок книгу «Под открытым небом», Горький писал автору: «Читал и читаю стихи. Хорошие стихи, ей-богу! Свежие, звучные, в них есть что-то детский-чистое и есть огромное чутье природы. Моим приятелям, людям строгим в суждениях о поэзии и поэтах, ваши стихи тоже очень по душе, и я очень рад, что могу сказать вам это»⁸.

Дружеский, искренний тон первых встреч Горького с Буниным и благоприятное впечатление, сложившееся у обоих от первого знакомства, не вызывают сомнений, хотя очевидно также и то, что некоторые мотивы, уже отчетливо наметившиеся в их произведениях 1890-х годов, не звучали и не могли звучать в унисон.

Творческое кредо молодого Горького едва ли могло привлечь к себе Бунина. И героико-романтические мотивы Горького, и его пристрастие к сильным, волевым нату-

А. М. ГОРЬКИЙ, Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК, Н. Д. ТЕЛЕШОВ, Н. А. БУНИН

Фотография Л. В. Средина. Ялта, 16 апреля 1900 г.

Музей А. М. Горького, Москва

рам из социальных низов, и его резкие сатирические обличения по своей направленности и своему пафосу были далеки от сдержанной и холодноватой бунинской манеры. Это несходство вкусов, настроений, взглядов, а в конечном счете — мировоззренческих позиций не замедлило проявиться в завязавшихся отношениях Горького и Бунина. В самых крайностях их искусства было нечто такое, что заставляло их оглядываться друг на друга, не соглашаться, спорить. Расхождение в творческих принципах вовсе не исключало интереса писателей друг к другу. Не случайно сразу же после знакомства Горький предпринял активную попытку привлечь Бунина к сотрудничеству в журнале «Жизнь», который с января 1899 г., после коренной реорганизации, стал выходить как литературный орган легального марксизма, опиравшийся во многом на сотрудников закрытого правительством журнала «Новое слово». С «Жизнью» Горький связывал большие надежды и широкие литературные планы: «Давайте работать в одном органе! — писал он Бунину в апреле 1899 г. — Давайте соберемся — вся молодежь — около этого журнала, тоже молодого, живого, смелого»⁹.

К концу 1890-х годов путь Горького к революционному марксизму не был еще завершен. И это обстоятельство не могло не отражаться на его тогдашней позиции. В письме к Вересаеву в декабре 1899 г. он признавался: «Мне, пока, решительно нет надобности быть *всецело* в группе Z или в группе W. <...> теории для меня всегда были мало интересны. Разве важны умственные построения, когда требуется освободить человека из тисков жизни, и разве пужно непременно на основании законов механики изломать старую, изработавшуюся машину?»¹⁰

Особенность переходной позиции Горького в том и заключалась, что, примкнув к марксистскому течению, он не считал для себя необходимым быть *всецело* в той или

иной его группе. Это положение могло сохраняться временно и лишь до тех пор, пока принципиальные различия между группами оставались для писателя неясными или казались ему малосущественными. Движение Горького к марксизму не было ни временным, ни случайным. Оно выражало главную закономерность его политического развития. Для Горького участие в «Жизни» было определенным этапом, определенной ступенью на пути к революционному марксизму, органом которого стала ленинская «Искра».

Среди трех основных отделов «Жизни» — политического, научного и художественного — последний очень быстро приобрел решающее значение для лица журнала. Это обстоятельство отметил В. И. Ленин в письме к А. Н. Потресову. Характеризуя некоторые материалы «Жизни» за первые месяцы 1899 г., Ленин писал: «...недурной журнал! Беллетристика прямо хороша и даже лучше всех!..»¹¹

Приглашая Бунина сотрудничать в «Жизни», Горький ссылался не столько на марксистскую программу журнала (которая по многим причинам и не могла привлечь Бунина), сколько на общее его демократическое направление, здоровый, бодрый дух, который противостоял сумрачному и болезненному декадентству.

Горький был не только полностью осведомлен о произведениях, которые Бунин летом 1900 г. прислал в редакцию «Жизни», но хорошо знал и другие, не увидевшие еще печати стихотворения. «За стихи, посланные в „Жизнь“, спасибо вам и от меня, а также и за прозу, — писал Горький в конце июля 1900 г. — Где то стихотворение, в котором солнце уподоблено жар-птице? Вы и его в „Жизнь“ дайте, пожалуйста!»¹² Это пожелание Бунин выполнил. В цикле стихов «Акварели» упомянутое Горьким стихотворение («Все лес и лес. А день темнеет...») поставлено первым.

Среди поэтических произведений, опубликованных Буниным в «Жизни», центральное место, несомненно, занимает поэма «Листопад» — самое крупное создание Бунина-поэта, написанное уже рукою зрелого, сознающего свою силу мастера. Эта поэма, посвященная Горькому, открывала октябрьскую книжку «Жизни» за 1900 г. Горький по достоинству оценил бунинскую поэму. «У вас я еще не знаю ни одного стихотворения, равного этому по *обилию* образов и красоте их», — писал он автору «Листопада»¹³.

В той же октябрьской книжке «Жизни», где был напечатан «Листопад», впервые увидел свет и знаменитый рассказ Бунина «Антоновские яблоки». Собственно, «Антоновскими яблоками» начинается пласт классической бунинской прозы. Не надо было обладать большой проницательностью, чтобы после появления этого рассказа убедиться в силе сословных привязанностей Бунина, в прочности уз, которые духовно связывали его со старым дворянским усадебным бытом, со всем укладом, исторически доживавшим свои последние дни. Удивительным было другое. Как при всей органичности, прочности этой кровной родовой связи голос художника не дрогнул, когда ему пришлось произнести над своим сословием прощальное, надгробное слово.

Если в поэтических картинах «Антоновских яблок» и есть элемент идиллии, восхищения, безраздельного приятия действительности, то все это относится к *прошлому* — только к нему. В настоящем Бунину видится нечто совсем другое. И хотя еще сохранились дворянские усадьбы, вроде тех, которые греются рассказчику, в них, по его собственному признанию, уже нет жизни... Идиллия оборачивается эпитафией. Не случайно в журнальной публикации рассказ имел подзаголовок: «Картины из книги „Эпитафии“».

Вместе с тем, даже в узкой сфере того быта, того патриархального мира, который, как в капле свежей росы, отразился в поэзии «Антоновских яблок», Бунин трезвыми глазами реалиста увидел смену эпох, бег времени, беспощадно разрушающего все, что отжило свой век: «Да разве могла эта сентиментальная жизнь, равно как и беспутное существование с охотами, с кутежами и пирами, не погибнуть при первом столкновении с новой жизнью?»

То лирическое настроение, которое в поэме «Листопад» отразилось в обобщенно-философском плане, скрыто проступающем сквозь движение пейзажных картин, получило в «Антоновских яблоках» отчетливый социально-биографический комментарий. Помещенные в одной книжке журнала эти два характернейших произведения Бунина-поэта и Бунина-прозаика перекликались и дополняли друг друга.

Прочитав «Автоновские яблоки», Горький сразу же почувствовал, что талант Бунина, освобождаясь от черт подражательности, обретает полную самостоятельность и оригинальность. В ответ на письма Бунина из-за границы, Горький заметил в ноябре 1900 г.: «А еще большое спасибо за „Яблоки“. Это — хорошо. Тут Иван Бунин, как молодой бог, спел. Красиво, сочно, задумчиво. Нет, хорошо, когда природа создает человека дворянином, хорошо! Деточка моя — вам надо работать, а не бегать по заграницам. Вам надо очень много писать, черт вас съест!»¹⁴

Отдавая дань силе бунинского таланта, Горький не терял ощущения резкой грани, которая разделяла направление его собственного творчества и творчества Бунина. Получив книжку «Листопад» с посвященной ему поэмой, Горький ответил автору в феврале 1901 г.: «Мне приятно ваше внимание, потому что я искренне люблю вашу тонкую, вашу нежную душу. Скорпионы прислали мне „Листопад“, и я — со Скитальцем — проглотил его, как молоко. Хорошо! Какое-то матовое серебро, мягкое и теплое, льется в грудь со страниц этой простой, изящной книги. Люблю я, человек мелочный, всегда что-то делающий, отдыхать душою на том красивом, в котором вложено вечное, хотя и нет в нем приятного мне возмущения жизнью, нет сегодняшнего дня, чем я, по преимуществу, живу и что меня помаленьку губит. Не скрою — мне хочется видеть в ваших стихах больше таких звуков, как в „Витязе“, да, но — всякому свое, а наибольшая тому честь, кто во всем весь»¹⁵.

Хотя рассказы и стихотворения Бунина принадлежат к наиболее значительным произведениям, опубликованным в «Жизни», — таким как «Фома Гордеев» и «Трое» Горького, «В овраге» Чехова, «Конец Андрея Ивановича Вересаева», — в потоке демократической беллетристики «Жизни» они выделяются своими особыми чертами. Явная антибуржуазность Бунина, его резко критическое отношение к капитализму, как оно сказалось, например, в рассказе «Новая дорога», восходят к мировоззрению и психологии тех классов старой патриархальной России, которым буржуазный строй нес гибель и разорение. Бунин отрицает буржуазный строй совсем с иной стороны, чем те сотрудники «Жизни», которые нашли в марксизме органическое выражение идеалов грядущего социалистического общества. В этом смысле Горький и Бунин представляли крайние фланги литературных сил, объединившихся вокруг «Жизни».

С начала 1901 г. практическая революционная работа Горького приняла широкий размах. Он с гневом отзывался о репрессиях царского правительства против студенчества, проводит вечера с чтением запрещенных цензурой произведений, принимает участие в демонстрации студентов; в Петербурге, Москве, а затем Нижнем Новгороде он оказывает широкое содействие распространению прокламаций и другой нелегальной литературы, вносит крупные денежные суммы на организацию подпольных типографий.

Слухи о возможном аресте Горького дошли до Бунина. В письме из Одессы 20 марта 1901 г. он спрашивал Чехова: «От Горького давно не имею писем — с начала марта. Не знаете ли чего-нибудь? Ходят всякие слухи и т.д.»¹⁶ А 30 апреля того же года Бунин сообщил ему: «От жены Горького получил письмо — Горький сидит. Но вы, вероятно, уже знаете это...»¹⁷ Действительно, в ночь с 16 на 17 апреля Горький был арестован и заключен в Нижегородскую тюрьму.

Арест Горького predetermined судьбу «Жизни». Глухие вести о критическом положении журнала застали Бунина под Москвой, в Малаховке. 1 июня 1901 г. он писал оттуда Миролубову: «„Жизнь“ меня очень беспокоит, но май все-таки выйдет одновременно с июньской книгой, для мая уже взяли два моих стихотворения, а на июнь я посылаю им рассказ»¹⁸.

Эти предположения, однако, не осуществились. Майский номер был задержан цензурой, а затем, 8 июня 1901 г., постановлением трех министров и обер-прокурора Синода «Жизнь» была закрыта. Апрельская книжка, в которой рядом с продолжением романа Горького «Трое» и «Песней о Буревестнике» были напечатаны два рассказа Бунина («Туман» и «Новая дорога»), оказалась последним номером журнала, увидевшим свет.

Гибель «Жизни» не дала развернуться содружеству талантливых писательских сил, собранных Горьким вокруг этого издания. Однако для Бунина участие в нем не

прошло бесследно. Здесь впервые наметилось и осуществилось практическое литературное сотрудничество многих из будущих писателей-знабевцев.

В кружке «Среда» это сотрудничество закрепились творческим личным общением, оставившим глубокий след в памяти каждого его участника. Возникновение и расцвет «Среды» совпали с подъемом общественного движения накануне первой русской революции. Демократически настроенные писатели испытывали потребность в более тесном объединении сил, способных противостоять литературной реакции, способных сообща бороться за честное и правдивое литературное творчество.

Состав кружка не был однородным. В него входили люди с разными политическими и литературными взглядами. Среди членов «Среды» были и лица, весьма далекие от революционных кругов, и литераторы, тесно связанные с ними. Постепенно внутри кружка сложилось сильное писательское ядро, которое определяло все направление деятельности «Среды». Это ядро составили Андреев, братья Бунины, Вересаев, Горький, Серафимович и Телешов.

Сближение Горького с этим кружком московских литераторов постепенно внесло в жизнь «Среды» тот элемент общественной активности, которого — особенно поначалу — ей очень не доставало. При этом горьковские настроения и взгляды были встречены не без внутреннего сопротивления таким влиятельным участником «Среды», каким был Бунин. Споры о Горьком-писателе, о его творчестве и необычайной судьбе, занимавшие в то время русскую критику и самые широкие читательские круги, не прошли мимо членов «Среды». Отзвук этих споров слышен в письме Бунина к Телешову 16 июля 1900 г.: «Новостей, конечно, никаких. Не считая бития читателей в морду... Видишь ли, для этого надо иметь настроение. Горький же, между нами, по-моему, отчасти прикидывается таким грубым, ломается, и я удивляюсь, как этого не чувствуют многие»¹⁹. Получив ответное письмо Телешова с возражениями, Бунин уточнил свою мысль: «Ты меня не понял, — я не на Горького злился, главным образом, а на критику и публику и уж, конечно, не за себя. Да тебя, впрочем, не разубедишь»²⁰.

Так или иначе, откровенно полемическая нота, прозвучавшая в этих письмах, не была случайной. Преобладающая тенденция горьковского творчества, острая реакция на нее со стороны широких кругов читателей и литературной критики доказывала со всей очевидностью, что умами современников владели идеи и настроения, которых Бунин не разделял. Он был вполне искренен, когда писал, что «не на Горького злился главным образом», — его неудовлетворенность и досада были вызваны общим состоянием читательских умов, глубоким разладом между его личными и господствующими в обществе вкусами, разладом, который не может не отзываться болезненно в сознании каждого сколько-нибудь думающего и последовательного в своих принципах художника.

Характерно, что как раз в это же время, отдавая должное Бунину, Горький со своей стороны отметил такие черты его мироощущения, которые не могли найти сочувственного отклика в массе читателей. В середине сентября 1900 г. Горький заметил в письме к Чехову: «Знаете — Бунин умница. Он очень тонко чувствует все красивое, и когда он искренен — то великолепен. Жаль, что барская неврастения портит его. Если этот человек не напишет вещей талантливых, он напишет вещи тонкие и умные»²¹.

Известная «нейтральность» «Среды», ее отдаленность от наиболее острых политических схваток и споров, кипевших в революционных кругах, соответствовали настроениям и взглядам Бунина, неоднократно заявлявшего о своем принципиальном отстранении от тенденциозности всякого рода.

Однако политические волнения эпохи вторгались и в уютный особняк Телешова на Чистых Прудах. «Помню горячие беседы М. Горького, когда он рассказывал о движении среди рабочих»²², — писал позже Белоусов, подчеркивая, что «Среда» не могла не откликаться на многие явления политического характера. С большим волнением и участием отозвались члены кружка на политические репрессии, которые коснулись Скитальца, Л. Андреева и со всей силой обрушились на Горького. После ареста и заключения Горького в тюрьму в апреле 1901 г. судьба писателя, взволновавшая все русское общество, естественно, оказалась в центре общих дум и переживаний его близких товарищей по «Среде». Л. Андреев писал Горькому 21 мая: «...с самого 17 апреля

я почувствовал себя *осиротевшим*»²³. Эти слова в какой-то мере выразили общее настроение московского кружка.

В литературной жизни «Среды» Горький занял особое место. Многие произведения, прошедшие через общее обсуждение, — от первых рассказов Андреева до «Поединка» Куприна, — в своей окончательной форме немалым обязаны советам и критике Горького, критике точной, конструктивной, основанной на широком знании русской действительности и учитывающей истинные возможности каждого писательского дарования.

Событием для «Среды» были те вечера, когда читались и обсуждались произведения самого Горького. Литературная Москва с нетерпением ждала таких вечеров, попасть на них было нелегко и считалось большой честью. Сохранилась короткая записка Андреева 29 сентября 1902 г.: «Милый Иванушка! Приехал Максимыч и сегодня вечером читаю у меня свою драму. Приходи обязательно и скажи о том же Юлию. Будет Шалипин»²⁴. Этой запиской братья Бунины приглашались на «Среду» в доме Андреева, где Горький должен был читать свою новую пьесу «На дне». По свидетельству Телешова, на этом чтении, помимо членов «Среды», было много приглашенных писателей и артистов. «Успех был исключительный, — вспоминает Телешов. — Ясно было, что пьеса станет событием»²⁵.

В интервью, которое Бунин дал молодому К. Чуковскому в Одессе вскоре после первых представлений пьесы Горького на сцене Художественного театра, в частности, было сказано: «„Дно“ нравится автору гораздо больше, чем „Мещане“, он вообще возлагает на свою новую пьесу большие надежды, так что овации приняты были им, как нечто „в порядке вещей“, сам он после постановки пьесы был сумрачен, печален и замкнут, хотя исполнение очаровало его»²⁶.

Общее настроение боевого подъема, охватившее с приближением революции самые широкие демократические слои русского общества, подняло активность телешовского кружка. «Среда» выступила с публичным протестом против действий полиции, избившей в декабре 1904 г. многих участников мирной демонстрации в Москве. Конечно, это еще не означало, что сущность революционных событий была глубоко воспринята всеми участниками «Среды». Печать прежней политической наивности, оторванности от практического революционного движения масс, мелкобуржуазные, как, например, у Андреева, или узкосословные, как у Бунина, предрассудки — все это так или иначе серьезно ограничивало революционность большей части членов московского писательского кружка.

С наступлением революции 1905 года центробежные силы внутри «Среды» обнаружились с большой резкостью — именно эта революция, как верно отметил Бунин, «надолго рассеяла этот кружок»²⁷.

Многие писатели до конца жизни сохранили благодарную память о «старой Среде». В 1927 г., ознакомившись с воспоминаниями Телешова, легшими в основу его будущей книги, Горький ответил ему: «„Воспоминания“ — читал, был тронут кое-чем — славная вы душа! Пришлите книгу — перечитаю вновь. Сильно мы пожили, не правда ли?»²⁸

Далеко, порой трагически далеко разошлись пути многих товарищей по «Среде» — в том числе Горького и Бунина. Но в их действительно богатейшей, интересной, сильно прожитой жизни есть духовный вклад каждого.

Встречи в ялтинском доме Чехова, участие в «Жизни» и общение по «Среде» во многом подготовили ту полосу деятельности Бунина, которая прошла под знаком ближайшего сотрудничества в горьковском демократическом издательстве «Знание».

С деятельностью «Знания» связана целая эпоха в развитии русской демократической литературы, сплотившей в пору общественного подъема начала 1900-х годов и революции 1905 г. свои лучшие силы вокруг Горького.

Руководители издательства Горький и Пятницкий получили к концу 1902 г. возможность построить свою работу на принципиально новых началах. Как директор-

распорядитель издательства Пятницкий сосредоточил в своих руках все организационно-финансовые, производственные и цензурные вопросы. Горький получил решающий голос в редакционных делах и выработке общей линии издательской политики «Знания»²⁹.

Поставив во главу угла всей деятельности издательства не коммерческие, а общественно-просветительские цели, руководители «Знания» выдвинули четкие критерии отбора издаваемой литературы. Последовательный демократизм, верность художественному реализму, добротность и общедоступность изданий — вот основные принципы, которые завоевали «Знанию» широкую популярность среди читателей. Литературная программа «Знания» и товарищеские основы его деятельности в короткий срок привлекли к издательству выдающиеся молодые силы русской литературы: Андреева, Куприна, Вересаева, Серафимовича, Гарина-Михайловского, Найденова, Бунина.

В середине октября 1901 г. по приглашению Горького Бунин и Андреев посетили его в Нижнем Новгороде. По этому случаю Горький заметил в письме к Пятницкому: «...я едва сижу за столом от усталости. Ибо — был Бунин Иван, был Андреев Леонид, Алексеевский Аркадий, и я два дня не видел себя»³⁰. Среди множества тем, затронутых в разговоре, важное место заняли литературно-издательские планы. Бунин предложил «Знанию» сборник своих рассказов, и Горький поддержал его в этом намерении. Во всяком случае он отдал ему явное предпочтение перед популярным тогда Евгением Чириковым: «С точки зрения литературной — он художник, и немалый — несравненно выше Евгения Николаева, — хотя у Евгения есть лицо, а у Бунина — туман на этом месте. Я — за издание Бунина „Знанием“»³¹.

Заручившись предварительной поддержкой Горького, Бунин 17 октября повторил свое предложение Пятницкому:

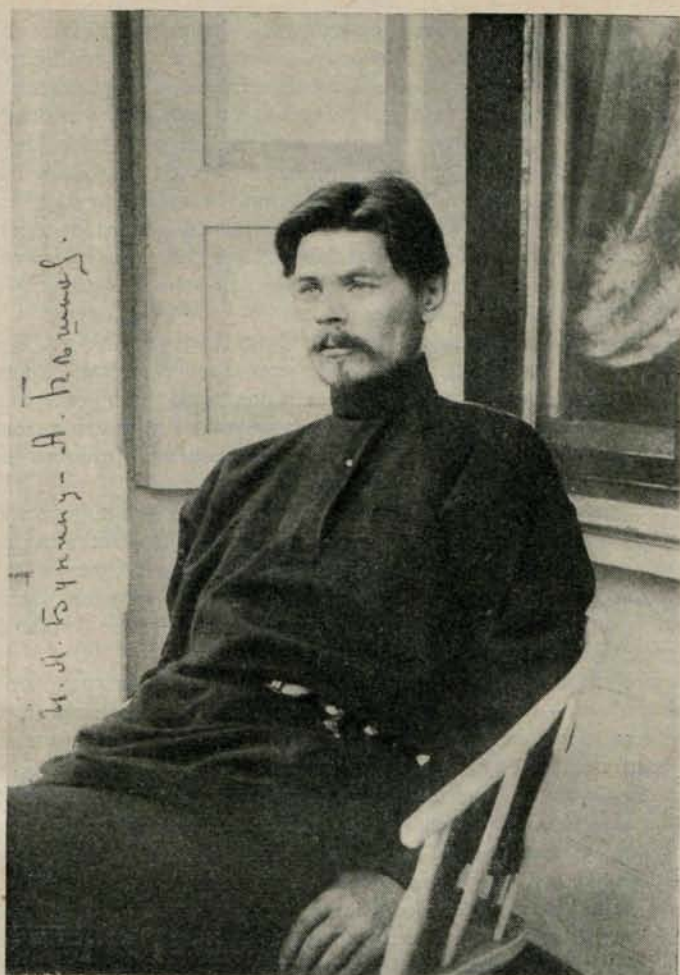
«На днях я виделся в Нижнем с Горьким и толковал с ним относительно издания моих рассказов в „Знании“. Горький, со своей стороны, очень стоял за это, о чем он, вероятно, уже пишет вам в письме, которое передаст вам А. И. Ланин. Теперь, по совету Горького же, пишу вам, предлагаю вам взять у меня первый том моих рассказов. Вы, вероятно, знаете, что О. Н. Попова издала пять лет тому назад небольшую книгу моих рассказов „На край света“. Книга эта сперва пошла очень хорошо, благодаря хорошим отзывам, но не знаю, как дело шло дальше, хотя, если даже оно пошло и хуже, то причины этому были, — например хотя бы та, что после „На край света“ я совершенно замолчал и почти не появлялся в печати в течение около 3-х лет. Теперь, как вы знаете, я печатаю много, особенно стихов, а с будущего года буду много печатать и беллетристики. Думаю поэтому, что пора мне выпустить и кое-что отдельным изданием»³².

В первый том рассказов, предложенный «Знанию», Бунин намеревался включить, наряду с новыми вещами, опубликованными в журналах, также семь или шесть «лучших и значительно исправленных» рассказов из книги «На край света»³³. Пятницкий ответил Бунину согласием³⁴ и сразу же известил о своем решении Горького. В коротком письме Бунину, написанном не позднее 8 ноября 1901 г., Горький подтвердил достигнутую договоренность: «Я очень, очень рад, что Бунин будет издан „Знанием“ <...>. Писать некогда. 8-го буду в Москве»³⁵.

Когда соглашение Бунина с руководителями «Знания» было, казалось, уже вполне достигнуто, Горький испытал острые сомнения по поводу принципиальной стороны намечавшегося союза. Не исключено, что проблема издания Бунина в «Знании» обсуждалась Горьким и Пятницким еще во время поездки в Крым, когда последний сопровождал Горького от Москвы до Ялты. Во всяком случае, в первом же большом письме Пятницкому из Олениза Горький как бы продолжил прерванный спор и добавил к прежним своим аргументам новые.

«Да, вот что: мне стало известно, — писал он, — что Бунин снова явится в компании „Скорпионов“, коя затевает еще альманах. Скажу по совести — это меня отнюдь не радует. Я все думаю — следует ли „Знанию“ ставить свою марку на произведениях индифферентных людей? Хорошо пахнут „Антоновские яблоки“ — да! но — они пахнут отнюдь не демократично, — не правда ли? К этому соображению примешивается еще и следующее: когда я напишу „К ней“, — Бунин и еще многие другие люди бу-

А. М. ГОРЬКИЙ

Фотография. Рига, весна 1905 года. С дарственной надписью: «И. А. Бунину — А. Пешков»
Музей И. С. Тургенева, Орел

дуг очень недовольны мною, хотя я имен их и не упомяну. Возможно даже, что они будут возражать мне, — ибо я намерен наступить им, голубчикам, на хвостики. Ловко ли заключать союз, — путем издания рассказов, — а потом — в зубы? Ах, Бунин! И хочется, и колется, и эстетика болит, и логика не велит! Скажите ваше решающее слово, друг мой добрый и умный! Против „Гайаваты“ ничего не имею, но рассказы — смущают»³⁶.

Прилив сомнений, испытанных Горьким, не был случайным. За колебаниями в оценках, за разноречием между «эстетикой» и «логикой» в горьковском взгляде на Бунина стояли расхождения идейного порядка. Политическая «индифферентность», равнодушие к борьбе общественных течений, стремление к эстетическому созерцанию действительности, — все это глубоко претило Горькому и вызывало его на резкую полемику. Есть основания предполагать, что полемическое произведение «К ней», оставшееся ненаписанным, должно было продолжить тему, развитую в памфлете «О писателе, который зазнался» (1901). Главный объект его — читающая, образованная «публика», с которой Горький как раз в данный момент считал необходимым вполне откровенно объясниться по «личному поводу».

К концу ноября 1901 г., когда реакция на вызов, брошенный в этом памфлете, достигла предельной остроты, у Горького, вероятно, возникло желание продолжить объяснение с «публикой» и обратиться к ней с новым памфлетом — в развитие и подтверждение своей позиции. Считая, что замысел «К ней» должен в числе многих других задержаться и Бунина, Горький едва ли прямо относил автора «Автоновских яблок» к разряду той «публики», с которой он непосредственно объяснялся. Скорее всего Горький причислял Бунина к кругу тех своих «товарищей», которые говорили ему, что «публику уважать нужно», уважать вообще, независимо от того, какие ценности эта публика ищет в искусстве. Разрыв эстетики и политики, равнодушие к политике при достаточно тонком понимании эстетики — вот чего Горький не мог простить Бунину, размышляя о возможностях его сотрудничества в «Знании».

Когда Горький в конце ноября 1901 г. сообщал Пятницкому, что Бунин «снова явится в компании „Скорпионов“, коя затевает еще альманах», он, конечно, имел в виду предстоящий выход «Северных цветов на 1902 год», как раз в это время анонсированный в печати. Однако ни Бунин, ни Чехов на этот раз не приняли участия в альманахе. Обстоятельства серьезной размолвки Бунина с Брюсовым остались для Горького неизвестными³⁷.

В ответном письме к Горькому Пятницкий поспешил рассеять или хотя бы ослабить его сомнения: «Я думаю, жалеть об этом издании вы не будете. Рассказы хороши. Что же касается отсутствия общественных настроений, этот упрек приложим и к Андрееву. Книжка стихов Бунина издается Карзинкиным: от „Скорпиона“ он решил отойти (...) Рассказы набираются. Бунин прибавил несколько новых. Сейчас он в Одессе. В конце января хотел быть у вас»³⁸.

После письма Пятницкого сомнения Горького отпали. «Очень рад, что Бунин отошел от „Скорпиона“»³⁹, — отвечал он Пятницкому в очередном письме. Соглашение Бунина со «Знанием», поддержанное в принципе обоими руководителями издательства, перешло в стадию практического сотрудничества.

Весной 1902 г. «Знание» выпустило первый том «Рассказов» Бунина. Книга была набрана и издана за очень короткий срок. Тогда же Бунин передал «Знанию» право на новое издание своего перевода «Песни о Гайавате».

Еще в октябре 1901 г., обсуждая состав готовящейся книги рассказов, Бунин сколько-нибудь задал Пятницкому вопрос относительно «томика стихотворений», который он хотел бы выпустить в декабре или в начале будущего 1902 г. Пятницкий не поддерживал этого косвенного предложения, и вопрос об издании стихов был оставлен до лучших времен. Весной 1902 г., во время встреч с Горьким в Крыму, Бунин вновь возбудил вопрос об издании своих стихотворений «Знанием» и через несколько месяцев напомнил ему об этом⁴⁰.

В письме к Пятницкому летом 1902 г. Бунин повторил и развил мысль о новой книге своих стихов: «Алексей Максимович нынешнею весною два раза заводил со мною разговор о том, чтобы я издал в „Знании“ свои стихотворения. Я очень рад этому, ибо, если бы „Знание“ издало их, то оно оказало бы мне большую услугу. Дела мои с изданием стихов обстояли до сих пор нелегко. „Листопад“ издал „Скорпион“ (два года тому назад), имеющий печальную репутацию и не имеющий ни конторы, ни серьезных связей с книжными магазинами, ни охоты распространять своих книг. Все книги, как со смехом сказал мне сам Поляков, ведущий скорпионьи дела, лежат у него в „спальне“. Даже в редакции для отзывов я должен был послать книгу сам. Что же касается „Новых стихотворений“, то они изданы в количестве всего 500 экземпляров, которые и находятся в „Труде“ как моя собственность. Думаю, что к тому времени, когда выпустили бы мою книгу (составленную из избранных стихотворений этих двух книг и некоторых новых) вы, — то есть к концу осени, — „Новые стихотворения“ пройдут, а „Листопад“, что осталось у „Скорпиона“, я куплю. Очень прошу вас, Константин Петрович, подумать об этом издании и поговорить с вашими товарищами. Репутация моя, как поэта, очень недурная, рецензии, которые были о „Листопаде“, чрезвычайно хвалебные (...) Называют „Листопад“ и многие другие стихотворения „классическими“, много раз говорили, что многие мои вещи должны войти в хрестоматии, и все-таки дела мои с изданиями стихов до сих пор были никуда не годными! Не для хвастовства

говоря это, Константин Петрович. Ваше издание произвело бы совсем другое впечатление, в особенности если принять во внимание, что вы выпустили мои "Рассказы" и выпустили "Гайавату". Несколько моих книг, выпущенных почти одновременно одной фирмой, будут сильно помогать друг другу и давать автору физиономию" ⁴¹.

О новом предложении Бунина Пятницкий сразу же написал Горькому, от которого на этот раз последовал очень сдержанный ответ: «Я не помню, чтобы „предлагал“, — писал Горький, — и не думаю, чтобы мог „предложить“ истекшей весной, даже более — я твердо уверен, что со стороны Ивана Алексеевича речь о предложении моем — суть поэтическая вольность... Впрочем — это дела не меняет, и я готов взять на себя издание стихов. Стихи — хорошие, вроде конфет от Флея или Абрикосова. Я говорю серьезно. В данном случае „Знание“ представляет Бунина как новеллиста, поэта и переводчика. Публика его читает, и есть такие болваны, которые говорят, что он — выше Андреева и Скитальца. Ваше мнение по поводу издания какво? По всей вероятности, будет очень трудно мотивировать отказ издать третью книгу, раз две уже изданы» ⁴².

При всех колебаниях Горький поддержал предложение Бунина об издании новой книги его стихов. Соглашаясь на ее издание, Горький сознавал, что это — своего рода издательский компромисс со стороны «Знания», но компромисс целесообразный и оправданный.

Второй том Бунина, выпущенный в 1903 г., объединил стихотворения, входившие в сборники «Листопад» и «Новые стихотворения», с добавлением небольшого количества новых стихов. Сам Бунин рассматривал этот том как наиболее полный итог первого десятилетия своего поэтического творчества.

Представляя Бунина как прозаика, поэта и переводчика, «Знание» прочно закрепляло свое сотрудничество с автором, приобретавшим все более широкую и заслуженную читательскую известность. И хотя сам Горький не разделял в эту пору мнения наиболее восторженных почитателей Бунина, ставивших его талант «выше Андреева и Скитальца», время показало, что это мнение было небезосновательным.

После выхода тома «Рассказов» Бунин не выпускал новых прозаических сборников в течение семи лет, вплоть до 1909 г., когда «Знание» издало пятый том его сочинений, включавший рассказы и очерки 1903—1907 гг. Зато в это же время Бунин становится самым значительным поэтом «Знания» ⁴³. Одна за другой выходят книги его оригинальных стихов и переводов.

С начала 1900-х годов особенно широко развернулась переводческая деятельность Бунина. Эта сторона его работы пользовалась самой заботливой поддержкой Горького.

Переводы мировой классики и современных иностранных авторов занимали очень внушительную часть печатной продукции «Знания». По обширности своей культурно-просветительской программы горьковское издательство не уступало самым крупным книжным фирмам. Осуществляя свои планы, «Знание» выпустило капитальные издания трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида в переводе Д. Мережковского, полное собрание сочинений Шелли в переводе К. Бальмонта, собрание стихотворений Леопарди в переводе И. Тхоржевского, прозаический перевод двух частей «Фауста» Гете, выполненный П. И. Вейнбергом, и некоторые другие памятники мировой поэзии. Работы Бунина-переводчика заняли достойное место в этом ряду.

Новое издание «Песни о Гайавате», выпущенное «Знанием» в 1903 г., было образцовым во всех отношениях. Этим изданием Бунин завершил свой девятилетний труд над ее переводом и впоследствии не изменил уже в нем ни единой строки. Мастерство бунинского перевода получило всеобщее признание. «Лонгфелло — прелесть!» ⁴⁴ — писал Горький Пятницкому, получив в начале февраля 1903 г. очередную партию выпущенных «Знанием» книг. Сборник стихотворений Бунина «Листопад» и его перевод «Песни о Гайавате» в том же 1903 г. были отмечены Пушкинской премией ⁴⁵.

В замыслах Бунина-переводчика центральное место после Лонгфелло занял Байрон. Горький был посвящен во все детали работы Бунина над Байроном и проявлял к ней живейший интерес. Еще в декабре 1902 г., во время приезда Горького в Москву, Шаляпин прочел на собрании «Среды» бунинский перевод «Манфреда». 16 декабря 1902 г. Горький писал Пятницкому: «Бунин задержал „Манфреда“, которого Федор Иванович читал первый раз хорошо, а второй — изумительно. Ну, что же? Простим Бунину» ⁴⁶.

К лету 1903 г. Бунин завершил работу над новой редакцией «Манфреда» и принялся за перевод «Каина». 5 мая он сообщал Пятницкому о своих летних планах: «Сию, как видите, в деревне — и сижу прочно. В начале июня съезжу к Алексею Максимовичу. Будете ли вы у него, и, если будете, то когда? Хочу прочитать Алексею Максимовичу „Каина“»⁴⁷.

Работа над переводами из Байрона чрезвычайно увлекла Бунина. После выпуска «Манфреда» Горький, со своей стороны, задумал издать в «Знании» полное собрание сочинений Байрона в новых переводах по типу уже предпринятого издания сочинений Шелли. Детали этого грандиозного замысла несколько раз во всех подробностях обсуждались Горьким и Буниным при встречах. После беседы с Буниным Горький сообщил Пятницкому 12—13 декабря: «Говорил с ним о переводе Байрона — это ему улыбается, особенно „Дон-Жуан“. В январе, кончив „Каина“, он будет в Питере»⁴⁸.

По поводу возникшего плана Бунин написал Пятницкому 11 января н.с. 1904 г. из Ниццы: «Перед отъездом я, — как вы тоже, вероятно, знаете, — виделся с Алексеем Максимовичем, который снова очень просил меня взять на себя труд дать „Знанию“ всего или почти всего Байрона в переводах. Для начала мы остановились на „Дон-Жуане“ в прозаическом переводе, причем Алексей Максимович просил меня начать работать и сказал, что „Знание“ будет мне давать ежемесячные авансы, чтобы я мог работать спокойно, и что вы уже имели с ним разговор по этому поводу. Все это мне улыбается, но как быть с „Каином“? Очень прошу вас написать мне о нем: я был бы бесконечно рад отложить его печатание еще — до осени; когда он полегит, я, мне кажется, смогу отнестись к нему спокойно и переделать все, что мне не нравится, и докончить все недоконченное твердой рукой. Если вы согласны на это — пожалуйста, напишите мне скорее. Тогда я тотчас же примусь за „Дон-Жуана“ и непременно сделаю его к концу сентября или даже к сентябрю — в этом даю слово»⁴⁹.

Пятницкий не возражал против издания всего Байрона «Знанием», но задержка «Каина» нарушала его текущие планы, и он настаивал на необходимости выполнения прежних обязательств. Сдержанное отношение Пятницкого, очевидно, сыграло свою роль. От перевода «Дон-Жуана» Бунин в конце концов отказался, а выпуск всего Байрона «Знанием» так и не был осуществлен.

Первые тома сочинений Бунина и книги его переводов, выпущенные за короткий срок «Знанием», создали автору репутацию одного из наиболее талантливых и разносторонних по дарованию участников горьковской писательской группы. Особенно упрочили эту репутацию знаменитые литературные сборники «Знания», к регулярному выпуску которых издательство приступило с 1903 г.

После разгрома «Жизни» Горький и другие ближайшие сотрудники этого журнала остались без постоянного периодического органа. Опыт «Жизни» показал, что антиправительственный журнал с ясно выраженным направлением не может рассчитывать на сколько-нибудь прочное существование. Нужна была новая форма объединения писательских сил. Литературно-художественные сборники «Знания» по своему продолжению традиции «Жизни» и в известной мере заменили большой ежемесячный журнал⁵⁰.

Сборники «Знания», по замыслу Горького, должны были опираться на лучшие литературные силы своего времени и при этом сохранять последовательное демократическое направление. Они должны были сочетать подвижность состава, устойчивость против цензурных гонений, присущие изданиям альманахного типа, и в то же время неуклонно осуществлять последовательную литературно-политическую программу, как это издавна велось в передовых русских журналах, начиная с Некрасовского «Современника».

Первые наброски программы будущих сборников были обсуждены в кругу участников «Среды» во время приезда Горького в Москву в декабре 1902 г. В память об этой встрече Горький, Скиталец, Бунин, Андреев, Телешов, Чириков и Шалапин сфотографировались одной группой. Фотография обошла многие иллюстрированные издания в России и за рубежом. Как отмечает в своих воспоминаниях Телешов, «это было как бы представлением читателям авторского коллектива зарождавшегося тогда издательства „Знание“ и сборников „Знания“, имевших такое значительное отношение к 1905 году.

Эти сборники были организованы Горьким у нас же, на одной из "Сред", когда Алексей Максимович, приехав на день в Москву, отбирал у нас рукописи для первого выпуска⁵¹.

В числе предполагаемых авторов первого сборника Горький в письме к Телешову назвал Чехова, Андреева, Куприна, Юшкевича, Телешова, Скитальца, Серафимовича, Бунина и Чирикова⁵². Круг участников первых сборников Горький ограничивал теми, кто уже выпустил или готовил к изданию свои книги в «Знании». Бунин был в их числе. По всей вероятности, Бунин принимал непосредственное участие и в декабрьском «московском разговоре», когда родилась самая мысль о выпуске литературных сборников «Знания». Во всяком случае, он активно включился в их подготовку.

В конце 1903 г. Бунин работал над рассказом «В хлебах» и двумя небольшими очерками «Золотое дно» и «Сны», один из которых он читал весной в Ялте Горькому. Для сборника, очевидно, предполагался рассказ «В хлебах», но работа над ним продвигалась с большими трудностями. Бунину стало ясно, что закончить рассказ вовремя не удастся. 11 декабря он отправил в Петербург Пятницкому и Горькому новое письмо: «Снова простите, Константин Петрович и Алексей Максимович, — шлю вам рассказ, но не тот, который обещал. Он меня измучил, ибо, думаю, его надо написать в пять раз больше. Поэтому посылаю два очерка, связанных одним заглавием и одним настроением, — один из них тот, который я читал вам, Алексей Максимович. Боюсь только цензуры. Если нужно что-нибудь вычеркнуть для цензуры — сделайте это, пожалуйста. Мне так горячо хочется, чтобы это произошло!»⁵³

Рассказ «В хлебах» («Далекое») Бунин напечатал в мартовской книжке журнала «Правда» за 1904 г., а в сборник он предложил «Золотое дно» и «Сны», объединенные общим заглавием «Чернозем». Когда Бунин совсем уже хотел отправить рассказы в «Знание», он получил известие о приезде Горького. На обратном пути в Нижний Новгород Горький остановился на несколько дней в Москве, и Бунин специально задержал свои рассказы, чтобы прочесть их Горькому. «Шлю сегодня. Алексею Максимовичу читал — ему очень понравилось»⁵⁴, — сообщал Бунин Пятницкому 12 декабря 1903 г. То же самое подтвердил и Горький: «Рассказики Бунина читал, и очень они мне нравятся, особенно второй»⁵⁵.

В первом сборнике «Знания», который открывался рассказом Андреева «Жизнь Василия Фивейского», Бунин был представлен и прозой («Чернозем») и стихами («Диза», «Перед бурей», «Сумерки», «Дома», «Кольцо», «В Евпаторийских степях», «Над Окой»). Сборник включал также лирико-философский этюд Вересаева «Перед завесой», «Деревенскую драму» Гарина, поэму Горького «Человек», рассказы Гусева «В приходе», Серафимовича «В пути», Телешова «Между двух берегов». С выходом второго сборника, составленного из произведений Чехова, Куприна, Скитальца, Чирикова и Юшкевича, авторский коллектив сборников «Знания» заявил о себе в полный голос.

В канун революции 1905 г. сборники «Знания» были восприняты как средоточие основных сил демократического лагеря русской литературы. Единство новой писательской группы, последовательность общественно-эстетической линии, которую проводил Горький в литературной борьбе, должны были по достоинству оценить и друзья и враги.

Индивидуальные различия между писателями этой группы, масштаб и направление таланта каждого из ее участников были быстро распознаны критикой и читающей публикой. Разумеется, и здесь не обходилось без споров и разногласий. Показателен отзыв Чехова в письме к А. В. Амфитеатрову: «Сегодня читал „Сборник“, изд. „Знания“, между прочим горьковского „Человека“, очень напомнившего мне проповедь молодого попа, безбородого, говорящего басом, на о, прочел и великолепный рассказ Бунина „Чернозем“. Это в самом деле превосходный рассказ, есть места просто на удивление, и я рекомендую его вашему вниманию»⁵⁶.

Чехова вообще смущала «проповедь» в литературе, тогда как Горький в это время испытывал особенно сильную потребность в прямом, открытом провозглашении своих философских, этических принципов. Горьковский «Человек» и был воспринят современниками как своеобразная эстетическая программа, как философское кредо направления, избранного «Знанием». Один из критиков, отзывавшийся большой ста-

твей на первые сборники «Знания», верно заметил, что поэтические формулы Горького «сводят воедино самые идеальные требования, самые возвышенные идеи, какими живет современность. По духу своему его „Человек“ как бы дает нам прямо в руки резюме всех тех идей, во имя которых „хмуро“ или „ожесточенно“ отрицают все лучшие представители современного художества»⁵⁷.

В богоборческих мотивах «Жизни Василия Фивейского» звучало именно «ожесточенное» отрицание всеобщей несправедливости. В трезвых картинах бунинского «Чернозема» это отрицание прорывалось сдержанно, «хмуро», но с достаточной определенностью безутешного исторического приговора. «Человек» Горького позитивно формулировал конечную цель и философский смысл отрицания. Тем самым три центральные вещи первого сборника демонстрировали одновременно и широту реалистических принципов ведущих писателей-знаньевцев, и общность целей, ради которых они объединились в одну сплоченную группу.

Памяти Чехова был посвящен третий, специально составленный сборник, в подготовке которого приняли участие самые крупные писатели «Знания». Близкие отношения Бунина с Чеховым были хорошо известны в литературных кругах, и Горькому особенно хотелось видеть Бунина в числе авторов сборника. «Дорогой друг — очень прошу вас принять участие в этом деле, на мой взгляд, и важном и нужном, — писал Горький 11 июля 1904 г. — Нужно же создать противовес пошлости газетных „воспоминаний“, нужно по мере сил постараться показать Чехова без фольги — чистого, ясного, милого, умного <...> Прощу вас, товарищ, — вы так много можете сказать о нем и так хорошо, красиво, чисто скажете!»⁵⁸

Самый ранний вариант очерка о Чехове Бунин прочел 24 октября 1904 г. в Обществе любителей российской словесности. Он-то и послужил основой воспоминаний «Памяти Чехова», которые Бунин дал для третьего сборника «Знания». Получив рукопись бунинских воспоминаний, Горький отозвался прочувствованным письмом: «Хорошо вы написали об Антоне Павловиче — нежно, как женщина, и мужественно, как друг»⁵⁹. И Куприн, и Бунин решительно отвергли в своих мемуарах ходячую легенду о безразличии Чехова к общественным проблемам, оба они доказывали, как близко к сердцу принимал Чехов все, что совершалось на его глазах.

Совместная подготовка сборника, посвященного памяти Чехова, острое чувство утраты, пережитое всеми, еще больше сблизили наиболее талантливых писателей «Знания» — Горького, Андреева, Бунина и Куприна. Именно они составили прочную литературную репутацию «Знания», с их деятельностью были связаны самые крупные успехи и самое широкое признание, завоеванное издательством среди читателей.

Даже такой взыскательный и строгий критик, как А. Блок, в статье «О реалистах», напечатанной в «Золотом руне», — символистском журнале, находившемся в состоянии открытой войны с горьковским «Знанием», отдал должное высокой общественной устремленности и последовательности своих литературных противников. «Когда читаешь писателей „Знания“ и подобных им, — утверждал Блок, — видишь, что эти люди сосредоточивают все свои силы в одной точке. Они действуют подчас как иступленные, руководимые одной идеей, которая заслоняет от них много мелочей, все личное, все расхолаживающее. В них есть какая-то уверенность и здоровое самозабвение, так что можно предположить, что они говорят не все слова, какие могут сказать, а лишь те, которые они считают нужными и полезными в данную минуту. И есть настоящая дерзость в этом забвении „во имя“ — горьковская дерзость, сказал бы я»⁶⁰. Широта задач, общность ближайших целей, которые были характерны для массового движения в эпоху первой русской революции, глубина недовольства, охватившего самые разные социальные слои, — все это создавало благоприятную почву для концентрации лучших писательских сил вокруг «Знания». Его литературные сборники осуществили этот союз на практике.

После смерти Чехова Горький предложил Бунину устроить осенью 1904 г. съезд «четверых» в Москве, в котором, кроме них, приняли бы также участие Андреев и Куприн. Однако организовать этот дружеский съезд так и не удалось. А с 9 января 1905 г. начались события первой русской революции, круто изменившие все литературные планы и предположения.

3

Подробности расправы с мирной рабочей демонстрацией в Петербурге Горький наблюдал лично. С утра 9 января он был на улице, в толпе, а вернувшись домой, потрясенный и разгневанный, написал Е. П. Пешковой в Нижний Новгород большое письмо. Это был первый отклик писателя на события Кровавого воскресенья⁶¹.

Все помыслы и силы души Горького сосредоточились на текущих событиях. Он пишет воззвание «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств», призывая к «немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием»⁶², выступает на общественных собраниях, участвует в сборе пожертвований в помощь пострадавшим 9 января и их семьям⁶³.

12 января 1905 г. Горький был заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости «по обвинению в государственном преступлении». В России и за границей развернулась беспрецедентная по своим масштабам кампания за освобождение Горького, поддержанная самыми широкими общественными кругами. В статье «Трепов хозяйничает» В. И. Ленин отмечал, в частности, что за границей «началась энергичная кампания среди образованного буржуазного общества в пользу Горького, и ходатайство пред царем об его освобождении было подписано многими выдающимися германскими учеными и писателями. Теперь к ним присоединились ученые и литераторы Австрии, Франции и Италии»⁶⁴.

Подъем революционной борьбы, последовательно сметавшей полицейские и цензурные кордоны в литературе, поднял на новую ступень всю издательскую деятельность «Знания». Спрос на знаниевые издания вырос чрезвычайно.

Из камеры одиночного заключения Горький продолжал следить за работой издательства, регулярно получая от Пятницкого информацию о всех делах и необходимые книги. 1 февраля, согласно расписке «в сдаче и принятии вещей от арестованного Пешкова», Горький получил в крепости сочинения Н. Г. Гарина-Михайловского, «Рассказы и песни» Скитальца, «Стихотворения» Бунина и три сборника товарищества «Знание»⁶⁵.

После освобождения Горького из тюрьмы передовая Россия восторженно и открыто чествовала своего писателя, выражая солидарность с его общественной позицией и его творчеством. Выпущенный под залог в 10000 рублей, которые Пятницкий внес в казну из средств «Знания», Горький выехал на Рижское взморье, а затем в Крым. Здесь, в Ялте, в начале апреля, состоялась первая после январских событий встреча Горького с Буниным.

Встречи с Горьким в Ялте вовлекли Бунина в обсуждение самых насболевших вопросов дня: об отношении к политике правительства, к продолжающейся войне, к борьбе политических партий, к литературной программе «Знания» в новых условиях и т. д. и т. п. В письме А. М. Федорову из Ялты 25 апреля 1905 г. Бунин сообщал: «Дорогой друг, я сейчас от Горького. Читали твою книгу <...> Вижу с Горьким теперь каждый день и проводам время очень приятно. Я за эти дни заразил его стихоманией, предвительно убив его „Сапсаном“»!⁶⁶

Среди знаньевцев Бунин долго оставался литератором, наиболее далеким от политики. Однако к 1905 г. его общественный «индифферентизм» был серьезно поколеблен всем ходом русской истории. В. Н. Бунина утверждает, что 1905 год был для него полной неожиданностью, поразил его хаотичностью событий, жестокостью черносотенцев и упорством революционеров. Сам Бунин, по ее мнению, остался за чертой событий⁶⁷. Верно, конечно, что к событиям революции он отнесся гораздо более сдержанно, чем другие знаньевцы — Л. Андреев, Скиталец, Куприн, не говоря уже о Горьком или Серафимовиче. Но эта сдержанность не исключала ни глубокого переживания событий, ни определенного — в первую очередь литературного — участия в них.

Революция не была совершенной неожиданностью для Бунина хотя бы потому, что он отлично знал положение русской деревни, давно зревшее социальными потрясениями и конфликтами. Остроту аграрного вопроса — главного в революции 1905 г. — Бунин представлял себе достаточно отчетливо. Об этом объективно свидетельствует

его проза начала 1900-х годов. Оказавшись в сфере непосредственного идейного воздействия Горького, вовлеченный в его литературные планы, Бунин так или иначе должен был определить свое отношение к происходящему. Как писатель он занял место на фланге прогрессивно-демократических литературных сил.

Во время революции 1905—1907 гг. Бунин принял деятельное участие в литературных начинаниях, откровенно оппозиционных существующему режиму. Инициатором этих начинаний по большей части был Горький. Летом 1905 г. у него возник замысел издания сатирического журнала «Жупел», наподобие знаменитого немецкого «Симплициссимуса». Вокруг нового журнала Горький решил объединить большую группу художников и литераторов — в первую очередь своих ближайших сотрудников по «Знанию». Организационное собрание участников будущего журнала состоялось 10 июля на даче Горького в Куоккале. Судя по сохранившимся материалам, Бунин живо откликнулся на предложение и специально приехал из Москвы, чтобы принять участие в собрании. Неделью спустя в письме к Федорову Бунин поделился своими впечатлениями о встрече в Куоккале: «Я молчал потому, что был в разъездах, — писал он. — Был в Москве, в Финляндии. Горький вызывал меня на совещание о новом журнале типа „Симплициссимуса“. Выйдет ли это дело — не знаю, но совещание было любопытное. Было очень много художников, и между ними знаменитые финляндцы — Галлен, Эрнефельд, Саарен, а из русских — Серов, Билибин, Грабарь и т. д. Видел Елпатьевского, Скитальца, Андреева»⁶⁸.

Первый номер сатирического журнала «Жупел» вышел в свет при самой деятельной поддержке Горького в начале декабря 1905 г., накануне Московского вооруженного восстания. В нем среди других материалов было напечатано стихотворение Бунина «Ормузд».

Революционные события конца 1905 г. оставили особенно глубокий след в сознании Бунина. Известие о всеобщей октябрьской забастовке он получил в Ялте, в доме Чехова. Оттуда Бунин сразу же уехал в Одессу, где события приняли весьма драматичный характер. Революционные демонстрации в Одессе сменялись черносотенными манифестациями и погромами. На улицах начались вооруженные столкновения. С негодованием встретил Бунин погромные статьи, печатавшиеся в те дни «Ведомостями Одесского градоначальства». Попустительство властей беснованиям «черной сотни» вызвало вполне определенную реакцию с его стороны. «По Троицкой, — писал он 22 октября, — только что прошла толпа с портретом царя и национальными флагами. Остановились на углу „ура“, затем стали громить магазины. Вскоре приехали казаки — и проехали мимо, с улыбками. Потом прошел отряд солдат — и тоже мимо, улыбаясь... Поезда все еще не ходят. Уеду с первым отходящим»⁶⁹.

Из Одессы Бунин выехал в Москву, где провел ноябрь и почти весь декабрь 1905 г., попав из огня в самое пылкое общероссийских событий. Москва готовилась к баррикадным боям. На улицах Москвы избивали студентов. Охранка раздала главарям черносотенных групп адреса политических заключенных, выпущенных из тюрем, предполагая устроить погромы по квартирам. «Черная сотня» выносила «смертные приговоры», угрожая физической расправой наиболее известным революционерам. Среди них назывался и Горький. Созданные в Москве боевые рабочие дружины взяли под защиту людей, которым угрожала опасность. Горького охраняла кавказская боевая дружина в составе восьми студентов Московского университета — «славные такие парни»⁷⁰. В течение всего ноября революционная ситуация в Москве была близка к взрыву. Московская квартира Горького стала одним из явочных пунктов, где бывали десятки людей, практически готовивших вооруженное восстание⁷¹. В канун восстания, как отмечает в своих воспоминаниях Ф. И. Драбкина, «на квартиру Горького приходили со всех концов Москвы по различным партийным делам. Квартира стала как бы центром связи и информации для работников Московской большевистской организации. Здесь можно было узнать последние новости (газеты тогда не выходили), встретиться с нужным человеком, связаться, с кем требовалось»⁷².

Наступили кульминационные дни Московского вооруженного восстания. По непосредственным, принесенным с улицы впечатлениям Горький набросал в письме к Пятницкому 10 декабря 1905 г. подробности боевых столкновений у Сандуновских

Издание товарищества „ЗНАНИЕ“ (Спб., Невский, 92).

Ив. Бунинъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Стихотворенія.

Цена 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1903.

Михаилу Васильевичу
Аверьянову,
Корресп. и оран. Лидера.
И. Бунинъ

29 сент. 06.
Стихотворенія.

СБОРНИК БУНИНА «СТИХОТВОРЕНИЯ» (СПБ., 1903), ВЫШЕДШИЙ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЗНАНИЕ»

С дарственной надписью: «Михаилу Васильевичу Аверьянову, которого я очень люблю.
И. Бунин. 29 сент. 06»

Титульный лист и шмуцтитул

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

бань, на Смоленском рынке, у Николаевского вокзала, возле гимназии Фидлера, совершенно разрушенной с фасада артиллерийскими выстрелами. Приказом адмирала Дубасова против уличных баррикад были выставлены пушки. Начались расстрелы спрашнелю мирных жителей, обстрел тяжелыми снарядами зданий, в которых засели дружинники. «Вообще,— заключал Горький,— идет бой по всей Москве! В окнах стекла гудят. Что делается в районах, на фабриках — не знаю, но отовсюду — звуки выстрелов. Победит, разумеется, начальство, но это не надолго, и какой оно превосходный дает урок публике!»⁷³

В Москве Горький оставался до 13 декабря 1905 г. В этот день он должен был срочно выехать из города, так как в охранном отделении уже имелся приказ о тщательном обыске на его квартире. После ареста писателя охранка собиралась возбудить против него новое «дело» и спешно собирала «материал». Горький был вовремя предупрежден о готовящейся акции, и полиция, нагрянувшая через полчаса после его отъезда, осталась ни с чем.

В трагические декабрьские дни на квартире у Горького среди множества людей несколько раз был и Бунин. Он оставался в Москве почти весь декабрь — «пережил там и „вооруженное восстание“ <...>, когда Москва покрывалась баррикадами; когда было разгромлено реальное училище Фидлера, „где заседали революционеры“, когда грохотали пушки и стучали пулеметы, когда зарево озаряло пресненский район,—горела шмитовская фабрика, которую отстаивали большевики. Иван Алексеевич заходил иногда к Горькому...»⁷⁴

С начала апреля, когда Горький и Бунин в Ялте обсуждали первые события революции, прошло немногим больше полутода, но за это время Россия успела пере-

жить целую эпоху своей политической истории. Нетрудно представить, какие вопросы более всего волновали Бунина, когда он, пренебрегая опасностью хождения по московским улицам, добирался до квартиры Горького. В те дни по всей Москве не было другого места, где можно было бы получить более полную и исчерпывающую информацию о политических событиях, причем не только московских, но и петербургских, и общерусских. Бунин не мог не чувствовать всей атмосферы, царившей в доме Горького, той полной солидарности с восставшими, которой там никто не думал скрывать. В сочувственном и напряженном внимании Бунина к тому, о чем шла речь в доме Горького, не приходится сомневаться. Иначе незачем было бы туда ходить через содрогавшуюся от выстрелов Москву.

Если до революции можно было говорить о политической вялости, отрешенности Бунина от «алобы дня», то 1905 год многое изменил и прояснил в его общественной позиции. Знаки этих внутренних перемен отчетливо видны в бунинской прозе и поэзии. Поэтическое одушевление, вызванное размахом революции и захватившее таких разных поэтов, как Брюсов и Блок, Бальмонт и Скиталец, по-своему коснулось и Бунина. Оно нашло выход не в прямой политической лирике, к которой Бунин никогда не был склонен, а в разработке героических образов, почерпнутых из древней истории, Библии, мифологии Востока. В грандиозных потрясениях, испытанных человечеством, в крушении и смене целых цивилизаций, Бунин искал прообразы и соответствия тому, что одновременно и привлекало и страшило его в современной эпохе.

Горький несомненно ценил «новые звуки» бунинской поэзии. Он считал возможным издать некоторые стихотворения Бунина в «Дешевой библиотеке „Знания“», предназначенной для массового распространения в народе и поэту формировавшейся из произведений, наиболее значительных по своему общественному содержанию. Поэзия в «Дешевой библиотеке» была представлена лишь отдельными, избранными образцами. Первым выпуском, открывшим в 1906 г. всю беллетристическую серию, вышла книжка стихотворений Горького. Она включала «Песню о Соколе», «Песню о Буревестнике» и «Легенду о Марко». Вслед за ней должны были выйти небольшие сборники других поэтов-знамьецев, в частности, Бунина. «Пришлите мне стихи Бунина, я попытаюсь набрать из них книжечку», — писал Горький Пятницкому в начале июля 1905 г.⁷⁵

Бунин переслал Горькому необходимые материалы и предоставил ему полную свободу выбора при составлении сборника: «Изменяйте, дополняйте, сокращайте, — я вполне полагаюсь на вас»⁷⁶.

Колеблясь «относительно пригодности некоторых стихотворений для широкой публики», Бунин не желал в то же время идти по пути явного упрощения сборника: «...ведь и то нужно принять в расчет, — доказывал он Горькому, — что эти новые издания „Знания“ должны до известной степени влиять на эту самую публику и с эстетической стороны. Не полезно ли было бы, если бы вы снабдили первый выпуск серии народных изданий предисловием, в котором, между прочим, было бы отмечено и это? А то критика привыкла к тенденциозности и может сильно облаять некоторые из брошюр, — конечно, и мою»⁷⁷.

В ответном письме Горький предложил сделать некоторые изменения в составе сборника, исключив «Кольцо» и «Дома»⁷⁸. Вместо этих двух Горький предложил ввести из отмеченных Буниным стихотворений — «Последнюю грозу», «На распутье», «Под парусом», «С кургана», «Рассвет». Кроме одного стихотворения («Под парусом»), все предложенные Горьким стихи вошли в книжку Бунина. Сформированная при ближайшем и непосредственном участии Горького, она служила тем же общественно-воспитательным целям, что и вся знамьевская серия массовых изданий для народа. Открывают сборник два стихотворения на библейские темы — «День гнева» (из «Апокалипсиса») и «Самсон». В обоих стихотворениях сквозь архаику сюжета прорывается живое ощущение свершающейся социальной катастрофы.

Для читателей, уже переживших трагедию Кровавого воскресенья и бурные события 1905 г., бунинские строки, напоминавшие о возмездии Судного дня, не могли звучать нейтрально. Они были вызваны отзвуками происходящего и, в свою очередь, порождали вполне современные ассоциации. Как ни далек был Бунин от практики революционного действия, в своих стихах он отдает явное предпочтение философии борь-

бы и бесстрашия, отвергает ложную мудрость смирения, рабской покорности и страха.

Герой — как вихрь, срывающий палатки,
Герой врагу безумный дал отпор;
Но сам погиб — сторел в неравной схватке,
Как искрометный метеор.

А трус — живет. Он тоже месть делает,
Он точит меткий дротик, но тайком.
О, да, он — мудр! Но сердце в нем чуть тлеет:
Как огонек под кизяком.

(1,255)

Знаменательно, что это стихотворение было напечатано в первом номере сатирического журнала «Адская почта», изданном весной 1906 г., то есть вскоре после подавления Московского вооруженного восстания. Сатирическая «соль» стихотворения — в его заглавии: оно называется «Мудрым» и звучит как прямая отповедь тем, кто осуждал последний героический акт русской революции. В этом полемическом обращении к «мудрым» нетрудно уловить отзвуки тех настроений, которые господствовали в окружении Горького во время декабрьских событий в Москве.

Героические мотивы звучат также в стихотворениях Бунина «Эсхил», «Самсон», «Ормузд», «Джордано Бруно».

Многие стихотворения, вошедшие в третий и четвертый тома сочинений Бунина, предварительно были напечатаны в сборниках «Знания». Именно здесь, в составе и контексте этих сборников, отчетливее всего выступает общественная направленность его творчества тех лет. Самому Бунину было отнюдь не безразлично, в каком окружении появлялись его стихи и проза. Он внимательно следил за тем, чтобы его произведения не выбивались из дружного концерта наиболее сильных голосов «Знания».

Горький не менее, чем Бунин, ценил его соседство по сборникам. Скоро установилась своего рода традиция, по которой почти каждая крупная вещь Горького в сборниках «Знания» сопровождалась бунинскими стихами. В начале сентября 1905 г. Горький писал Пятницкому: «Посылаю 9 стихотворений Бунина для 8-го сборника. Хорошие стихи»⁷⁹. Когда выяснилось, что восьмой сборник выйдет без участия Горького, Бунин также отодвинул печатание своих стихов. Зато в следующем, девятом сборнике непосредственно за пьесой Горького «Варвары» была помещена большая подборка стихотворений Бунина, в их числе «Эсхил», «Каменная баба», «Айя-София», «У северных берегов Малой Азии», «Атлант», «Песня» («Я — простая девка на баштانه...»), «Одиночество», «Печаль», «Детская», «Глен» («В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины...»), «Жизнь» («Набегает впотьмах...») и др. По составу этой подборки можно судить, что именно нравилось Горькому в новых бунинских стихах.

Как ни расходилось отношение Горького и Бунина к современности, самый факт их тесного сотрудничества в сборниках доказывает, что союз столь разных писателей, как Горький, Андреев, Бунин, Куприн, Вересаев, Серафимович, в эпоху первой революции имел веские основания. Годы подъема демократического движения в России были порой наибольшего успеха содружества писателей-реалистов.

После декабрьского вооруженного восстания 1905 г. и отъезда Горького за границу общие условия издательской деятельности «Знания» резко изменились. С отливом революции «Знание» вступило в полосу серьезных трудностей. Значительно усложнилась проблема отбора и редактирования произведений для сборников и отдельных изданий. Целиком взять на себя эту функцию Пятницкий не мог, регулярный же просмотр рукописей, прежде на месте осуществлявшийся Горьким, в условиях эмиграции был затруднен. Тем не менее все эти внешние препятствия удавалось преодолевать, пока не было нарушено единство основного авторского коллектива.

В 1906—1907 гг. «Знание» выпустило 12 литературных сборников, почти вдвое больше, чем за предшествующие два года. Тираж сборников несколько снизился, но продолжал держаться на уровне 30 000 — цифра огромная для того времени. «Знание»

по-прежнему широко издавало беллетристику и общественно-политическую литературу, сохраняя свое влияние на книжном рынке.

Однако при всем этом размахе в работе издательства обозначились явные черты кризиса. Начавшаяся идеологическая реакция захватила творчество большинства писателей-знаньевцев — Андреева, Куприна, Скитальца, Чирикова, Юшкевича, Айзмана и др. В их произведениях появляются мотивы философской безысходности, ослабевает сила социальной критики и протеста, ревизуются революционные настроения и идеи. Одновременно они отходят от реализма, в их творчестве усиливаются колебания между отвлеченно-символическим и грубо-натуралистическим подходом к человеку. Общий смысл литературного поворота состоял прежде всего в отказе от общественных и демократических целей, которым служила русская классическая литература, замене их индивидуалистическими концепциями художественного творчества.

Распад старого «знаньевского» ядра произошел при усиленном идеологическом давлении со стороны буржуазно-модернистских групп и течений, на разные голоса хоронивших русскую революцию. Эта тягостная атмосфера опустошенности и отчаяния, равнодушия и ренегатства самым непосредственным образом повлияла на отношения Горького со многими близкими ему литераторами. В конце сентября 1908 г. Горький писал Пятницкому: «Народ наш воистину проснулся, но пророки ушли по кабакам, по бардакам <...> Мои бывшие товарищи: Андреевы, Куприны, Чириковы — это люди, за которых до отчаяния стыдно мне. „Семь повешенных“! „Суламифь“! Кошки! И отвратительная, унижающая жадность к деньгам у всех. Все это мучает меня, разрывает на части. Я начал писать ряд резких статей в форме открытых писем к литераторам — мне хотелось указать им на требования момента, на их обязанности. Но — куда писать? Кому?»⁸⁰

Из прежнего коллектива «Знания» не осталось почти никого, кто мог бы принять участие в необходимой перегруппировке сил, отвечавшей условиям нового исторического момента. Л. Андреев прочно обосновался в «Шиповнике», где его «Тьма» появилась в одном альманахе с началом полупорнографического романа Ф. Сологуба «Навь» чары». Куприн, опубликовавший в «Знании» самую значительную свою повесть «Поединок», после революции разошелся с Горьким и порвал с горьковским издательством⁸¹. Вместе с Айзманом и Арцыбашевым он возглавил альманах «Жизнь», сосредоточивший усилия своих ведущих авторов на разрешении модной «проблемы пола».

Даже то, что Пятницкий печатал в сборниках «Знания», все меньше удовлетворяло Горького. Он резко критиковал пьесу Юшкевича «Голод», драматическую фантазию Чирикова «Легенда старого замка» и некоторые другие произведения. По поводу драмы Чирикова Горький в письме к автору ясно выразил свое отношение к наступающей литературной реакции и идейному разброду внутри «Знания»: «У меня странное впечатление вызывает современная литература, только Бунин верен себе, все же остальные пришли в какой-то дикий раж и, видимо, не отдают себе отчета в делах своих. Чувствуется чье-то чужое — злое, вредное, искажающее людей влияние, и пороку кажется, что оно сознательно враждебно всем вам — тебе, Серафимовичу, Юшкевичу и т. д. <...> И когда видишь эту хитрую, трусливую работу больного животного, которому ничего, кроме покоя, не надо, — становится непонятна роль той группы писателей, которая в трудное время дружно будила мысль демократической массы, а ныне спокойно смотрит, как эту мысль отравляют, да и сама неясно видит задачи момента, как мне кажется»⁸².

Очень точно определив причины своего расхождения со многими из старых сотрудников «Знания», Горький выделил из их числа Бунина как писателя, оставшегося «верным себе». В пору всенародного демократического подъема политическая умеренность Бунина ощущалась Горьким как очевидная слабость его общественной позиции. Зато, когда революция 1905 г. потерпела поражение и общий энтузиазм сменился общим унынием, Бунин не испытал такого же резкого и разрушительного кризиса буржуазно-демократических иллюзий, какой пережили Леонид Андреев и некоторые другие активные участники горьковской группы. Бунин оказался в стороне от настроений отступничества, крайнего индивидуализма, истерических покаяний, на кото-

рые небывало вырос спрос в современной беллетристике. Сохраняя свое лицо, Бунин остался верен традициям реализма и классической культуры, что в условиях тяжелой общественно-политической реакции воспринималось как безусловно сильная сторона его писательской позиции.

Осенью 1907 г. в момент повального перехода основных авторов «Знания» в «Шиповник» и другие издания, Бунин также был близок к разрыву с горьковским издательством. Его крайне беспокоила неопределенность создавшегося положения, раздражали длительные задержки ответов, организационные и материальные неполадки, тормозившие некогда слаженную и бесперебойную работу «Знания». Но прежде чем сделать решительный шаг, Бунин выдвинул условия, при которых его отношения с «Знанием» могли сохраниться впредь. Требования Бунина были приняты. От перехода в «Шиповник» он отказался. При достаточно благоприятных материальных условиях Бунин предпочел остаться в издательстве, с которым его крепко связывала и определенная общественная репутация и плодотворный опыт пятилетнего сотрудничества⁸³.

Оставшись в «Знании», Бунин приступил к подготовке намеченных к изданию книг и продолжил литературное сотрудничество в сборниках. С выпуском четвертого тома (СПб., 1908) Бунин осуществил свое давнее желание собрать вместе переводы, сделанные им после завершения работы над «Песней о Гайавате». В начале 1909 г. вышли в свет новое издание второго тома собрания сочинений Бунина («Стихотворения 1889—1902 гг.») и пятый том — «Рассказы». Это были последние тома его сочинений, изданные «Знанием».

Вернувшись после заграничного путешествия, Бунин застал «Знание» в глубоком кризисе. 26 августа 1909 г. он запрашивал Горького: «... как дела с книгоиздательством? О Пятницком вы ни слова, — верно и не был? И нету-то ни слуху, ни духу о „Знании“! А какое колесо-то было заведено!»⁸⁴ Осенью того же года, после приезда Пятницкого на Капри, решено было выпустить еще несколько сборников. Дальнейшая же судьба «Знания» оставалась неясной. Узнав о подготовке очередного сборника, Бунин немедленно отправил в «Знание» несколько своих произведений. 22 сентября 1909 г. он сообщил Боголюбову: «Посылаю одновременно и на Капри и вам 8 стихотворений и рассказ (около 23 тысяч букв) для сборника, где будет „Лето“»⁸⁵.

Выпущенный в конце года 27-й сборник «Знания» включал повесть Горького «Лето», повесть Ф. Крюкова «Зыбь», рассказ И. Касаткина «В уезде». Бунин был представлен рассказом «Беден бес» (позднее: «Птицы небесные») и стихотворением «Сенокос». Все произведения сборника с разных сторон рисовали положение современной деревни — нищей, дикой, ограбленной, не разрешившей ни одного из тех противоречий, которые привели Россию в 1905 г. к революции.

Хотя работа издательства возобновилась, «Знание» вступило в полосу медленной агонии, затянувшейся на несколько лет. Тяжело переживая упадок «Знания», Бунин силою обстоятельств был вынужден искать новые возможности для издания своих книг. Шестой том сочинений, составленный из стихотворений и рассказов 1907—1908 гг., Бунин впервые за много лет отдал не «Знанию», а петербургскому издательству «Общественная польза». Этот том, которым завершается «знаньевский» период творчества Бунина, вышел в свет в 1910 г. В феврале того же года, закончив первую часть повести «Деревня», Бунин передал ее в журнал «Современный мир», а не в сборники «Знания», как прежде. По этому поводу он писал Горькому 11 февраля 1910 г.: «За маленькую измену „Знанию“ не сердитесь. И повесть я отдал „Современному миру“, и VI том (состоящий из стихов и рассказов) продал „Общественной пользе“ потому только, что Константин Петрович не отвечает мне по полугоду»⁸⁶.

Проникшие в печать слухи об уходе Бунина из «Знания» сам он решительно опроверг в одном из своих интервью: «Слухи эти совершенно не основательны. Поводом для них послужило то обстоятельство, что 6-й том моих произведений выходит в издательстве не „Знания“, а „Общественной пользы“. Это действительно так, но из „Знания“ я не ушел и уходить не думаю»⁸⁷. Формально со «Знанием» Бунин не порывал, и судьба издательства по-прежнему волновала его. Из писем Бунина к Горькому не исчезают

настойчивые вопросы: «Если что определится, — напишите, пожалуйста, очень меня все-таки огорчает судьба „Знания“. Да и вам нужен покой, хороший рабочий покой. Дай бог его вам, желаю вам всех благ с истинно братским чувством!»⁸⁸

На «знаниевские» годы падает полоса наиболее плодотворных отношений Горького и Бунина. Горький по достоинству оценил стойкость литературной позиции Бунина, не поддавшегося влиянию модных буржуазных течений в искусстве. После революции 1905 г. он сближается с Буниным, искренно радуется стремительному росту его таланта, все выше оценивает его работу — прозаика и поэта. Можно с уверенностью сказать, что вне «Знания», вне активного и непосредственного воздействия горьковских идей и взглядов, дореволюционное творчество Бунина не достигло бы той социальной значимости, той силы и глубины реализма, которые выдвинули автора «Деревни» в число наиболее крупных русских писателей предоктябрьской эпохи. Точно так же без Бунина, без его постоянного сотрудничества лагерь прогрессивных писательских сил, собранных Горьким вокруг «Знания», лишился бы одной из наиболее ярких своих фигур, а вместе с тем и доли той популярности, которую приобрело «Знание» в годы своего расцвета.

4

Первая буржуазно-демократическая революция в России существенно обострила социальное зрение Бунина — не в том смысле, что он проникся особым сочувствием к ее авангарду, нет, — революция 1905—1907 гг. дала ему возможность лучше оценить реальную историческую ситуацию, понять глубину кризиса, назревшего в недрах русского общества. Даже такой пронизывающий критик, как В. В. Воровский, при появлении «Деревни» не мог скрыть своего удивления «неожиданностью» поворота Бунина к самым наболевшим проблемам современности.

«Всякому известно также, — писал Воровский, — что в смысле общественных настроений Бунин, хотя внешним образом связан был с „прогрессивной группой“ М. Горького, внутренне все же стоял от этой группы особо, одиноко, не подходя к ней ни по своему аполитическому мировоззрению, ни по своим несколько барским вкусам. Тем интереснее посмотреть, какую кажется деревня в наши дни „поэту мирному“, чуждому политических интересов, партий, программ, но чуткому, наблюдательному, а главное, искреннему»⁸⁹.

За Буниным стойко держалась репутация поэта несколько «не от мира сего». Однако эта репутация, созданная не без его собственного участия, далеко не исчерпывала действительной сложности его интеллектуального и творческого облика. «Деревня» явилась ее первым серьезным опровержением. Затем последовали другие, не менее значительные. Этот важнейший момент творческого возмужания Бунина был подготовлен и всем его предшествующим творчеством и в особенности характером исторической ситуации, возникшей в России после поражения революции 1905 г., сложным и противоречивым движением общественной мысли того времени.

Сам Бунин отчетливо сознавал и открыто указывал на перемещения идейных ориентиров, которые привели его к «Деревне» и притягивающим к ней произведениям. В интервью перед 25-летним юбилеем своей писательской деятельности Бунин достаточно точно определил основные этапы общественно-литературной эволюции, пройденные им за четверть века: «Пережил я очень долгое народничество, затем толстовство; теперь тяготее больше всего к социал-демократии, хотя сторонюсь всякой партийности <...> Какое из своих произведений я считаю наиболее удавшимся? На этот вопрос трудно ответить. Из всех написанных мною книг я все-таки считаю наиболее удачными „Деревню“, „Суходол“ (сборник повестей и рассказов 1911—1912 гг.). Затем некоторые стихотворения последнего периода и прозаические поэмы моих странствований — „Тень птицы“, „Иудея“, „Пустыня дьявола“»⁹⁰.

Это признание весьма существенно. Прежде всего оно лишний раз доказывает, что Бунин развивался не в отрыве от важнейших идейных течений своего времени, что в разные годы ему приходилось так или иначе определять к ним свое внутреннее отношение.

О влиянии на Бунина народничества достаточно хорошо известно. Это влияние он испытал еще в юности, оно шло, в частности, от старшего брата Юлия Алексеевича. В середине 1890-х годов он познакомился с главными представителями тогдашнего народничества в литературе, много печатался в их журналах («Русское богатство», «Новое слово» и др.), мотивы поздне-народнической беллетристики по-своему отозвались в его ранних стихах и рассказах. Более кратковременным, но зато и более сильным было увлечение Бунина толстовством. Речь идет именно о толстовстве как нравственно-религиозном учении, а не о художественном творчестве Льва Толстого, перед которым Бунин преклонялся до конца своих дней. К началу 1900-х годов он уже пережил это увлечение, подробно описанное им позднее в книге «Освобождение Толстого».

Недостаточно ясным остается содержание слов Бунина о его «тяготении» к социал-демократии — имеется в виду, конечно, русский ее образец. Высказывалось мнение, что эти слова следует понимать лишь как признание факта дружеского расположения к Горькому — не больше того. Именно так рассматривал эту проблему А. Твардовский в статье «О Бунине» — превосходной в целом работе, относящейся к лучшему из того, что когда-либо писалось о Бунине как талантливейшем художнике русском²¹. При всей неожиданности заявления Бунина о его тяготении к социал-демократии в 1910-е годы, есть серьезные основания считать, что в данном случае Бунин указывает не на свои личные связи, а имеет в виду вполне определенное идейное течение, с которым его сближали некоторые объективные моменты.

По многим причинам Бунин терпеть не мог русского буржуа, этого новоявленного «князя во князьях», который поднялся из грязи и быстро набирал силу после отмены в России крепостного права. У него были свои счеты с оборотистыми перекупщиками барской земли и торговцами, теснившими и безземельных крестьян, и захудалых помещиков, мучительно переживавших разрушение и гибель многовекового патриархального уклада. В развенчании нового хозяина пореформенной эпохи — грязного и некультурного «первонакопителя» — Бунин настойчиво искал литературных союзников. Как народничество, так и толстовство не могли удовлетворить его после 1905 г., поскольку ни то, ни другое течение не хотело признавать наличия реальной почвы для развития буржуазных отношений в России. Проклиная капитализм, и народники и Толстой не желали признать, что он растет и в мужицкой деревне, которую они по-своему идеализировали и боготворили.

Только социал-демократия оказалась способной развенчать эти иллюзии и теоретически обосновать неизбежность тех процессов социального расслоения русской деревни, которые прекрасно изображал, пером художника, Бунин. В главном идейном споре эпохи — споре о крестьянстве между народничеством и марксизмом — симпатии Бунина склонялись к социал-демократии, ибо он меньше всего был расположен идеализировать в народническом духе «социалистическую природу» мужика и закрывать глаза на развитие буржуазных отношений в деревне. После революции 1905 г., когда крестьянское движение на практике обнаружило свою истинную природу, дух трезвого социального анализа действительности оказался гораздо ближе Бунину, чем народнический сентиментализм.

Разумеется, эти сближения *отнюдь не означают*, что Бунин в своих общественных, идейно-политических устремлениях проникся социал-демократическими взглядами. Он брал из них лишь то, что внутренне соответствовало его собственному миросозерцанию, не принимая ни исходных философских посылок, ни конечных политических целей, ни общей системы социал-демократической идеологии как целого. В марксизме Бунину была совершенно чужда революционность этого учения. Сознание противоположности интересов крестьян и помещиков Бунин никогда не доводил до оправдания революционного движения народных масс. Напротив, он был принципиальным противником всякого революционного действия, рассматривая его как темный крестьянский бунт.

Личные человеческие симпатии Бунина к угнетенному и обездоленному крестьянству не шли дальше либеральной черты. По своей политической умеренности Бунин был близок к той группе буржуазной интеллигенции, которая, по словам В. И. Ленина,

«качается между к.-д. и с.-д., не входит (большей частью) ни в какую партию и систематически тянет в либеральной прессе ноту чуточку правее Плеханова»⁹².

В аграрном вопросе — самом остром вопросе революции, к которому Бунин проявлял напряженный личный интерес, — он постоянно колебался между точкой зрения кадетов и социал-демократов. Бунин приближался к социал-демократам, когда рассматривал отношения между беднейшим крестьянством и кулачеством, и склонялся к кадетам, когда перед ним вставал вопрос о судьбе помещиков. Вместе с социал-демократами он различал буржуазный характер крестьянского движения и фактически развенчивал квази-социалистические иллюзии народников. Вместе с кадетами он отрицательно относился к крестьянскому революционному демократизму и молчаливо предполагал сохранение помещичьего землевладения.

Своим заявлением-оговоркой («хотя сторонюсь всякой партийности») Бунин сам подчеркнул, что в социал-демократии его меньше всего привлекала революционная сторона движения, размежевание фракций, партий, программы и т. д. Его «тяготение» к социал-демократии находит свое объяснение главным образом в критике общего врага — буржуазии, хотя эта критика и велась с совершенно различных общественно-исторических позиций.

Первая русская революция усилила антибуржуазные тенденции творчества Бунина. С сознанием превосходства, которое поддерживалось чувством наследственного и духовного аристократизма, неизменно присущего Бунину, он высмеивал русского буржуа, причем не только в его азиатском облике, но и в европейской личине, которую уже успела приобрести более «культурная» и «просвещенная» часть нового правящего класса, державшего в своих руках почти всю кадетскую печать, занявшего авансцену III Государственной Думы, имевшего своих идеологов в новейших течениях русской литературы и общественной мысли. Этим объясняется в известной мере и резкая неприязнь, с какой Бунин относился ко всему комплексу либерально-буржуазных идей в философии, публицистике, искусстве, его критика модернизма и декадентства, в которых буржуазно-индивидуалистическая концепция человека получила свое наиболее законченное воплощение.

Бунин публично протестовал против «тех течений в литературе, которые задавались целью совершенно устранить из литературы этический элемент, проповедовать полную разнузданность все себе позволяющей личности, прославлять под видом утонченности самый простой и старый, как мир, разврат, искоренить идеи общечеловечности, разрушить веру в силу разума и нагонять мистические туманы, шаткие метафизические построения, часто нарочито сочиненные, собственного изделия и весьма слабо продуманные, прославлять смерть, квинетизм и даже самоубийство» (настоящ. том, кн. 1, стр. 319).

Претензии нового класса, нового хозяина — буржуа — на экономическую и духовную гегемонию в русской жизни вызывают с его стороны все более резкую неприязнь. Власть денег и капитала, с утроенной силой рушивших после революции остатки патриархальных отношений в России, Бунин оценивает как власть губительную, не имеющую никакого культурно-исторического и нравственного оправдания. Политический и духовный кризис буржуазной мысли после поражения революции Бунин склонен был рассматривать как прямую угрозу русской национальной культуре, с которой он был связан кровными узами.

В годы столыпинской реакции, когда рабочее и крестьянское движение пошло на убыль и перспектива революционного свержения старого самодержавно-крепостнического строя отодвинулась на целое десятилетие, критика утвердившихся буржуазных отношений в деревне, а в конечном счете и всей буржуазной цивилизации, приобрела для Бунина наибольшую актуальность. В это время он и обращает свои взоры в сторону социал-демократии. Новое общественное тяготение закономерно привело Бунина к более тесной, чем прежде, близости с Горьким. Их интересы перекрещиваются на самых главных проблемах современного литературного движения. И подробности личного общения Бунина и Горького этой поры, и объективное соотношение их произведений образуют сложный «узел» в творческой эволюции обоих писателей, равно как и в развитии русского реализма между 1905 и 1917 гг.

ДЕРЕВНЯ

Фотография М. П. Дмитриева, 1890-е годы

Музей А. М. Горького, Москва

«Деревня» Бунина возникла как художественное обобщение большого национального масштаба. Бунин стремился вложить в повесть все свое знание русской деревни, ее быта, истории, человеческих типов, народного языка. Разрозненные звенья национально-исторической концепции, намечавшейся в ранних бунинских рассказах, должны были получить в «Деревне» общую связь, единство, внутреннюю последовательность. Мимо сознания Бунина не прошли всколыхнувшие всю страну бурные дебаты по крестьянскому вопросу в двух Государственных Думах, страстная полемика в литературе и публицистике об исторической «загадке» русского мужика, давние споры о «толстовщине», с новой силой вспыхнувшие в 1908 г. в связи с 80-летним юбилеем Толстого. Вся совокупность литературно-общественных и биографических обстоятельств побуждала Бунина к новой исторической постановке вопроса о деревне и шире — о России.

В марте 1909 г. Бунин вместе с женой впервые посетил Горького на острове Капри — они задержались там почти на месяц, до середины апреля того же года. В работе Горького этот момент был переломным. Он только что кончил писать «Лето» и обдумывал планы «окуровского» цикла. Обсуждение литературных новостей и проблем оказалось важнейшей темой общих бесед.

Разговоры на Капри много раз возвращались к близкой Бунину теме — отношению современной литературы к народу, к мужику. Эта тема не сходила со страниц русской периодики и литературных изданий. Полемика о деревне, о крестьянской революции в России достигла высокой степени накала, и Горький с присущим ему темпераментом включился в спор. Он настойчиво ставил вопрос об отношении литературы к народу в своей публицистике («Разрушение личности»), разрабатывал его в прозе («Лето», «Городок Окуров»), рассматривал в каприйском курсе лекций («История русской литературы»), обсуждал в обширнейшей переписке тех лет.

Встреча с Буниным давала возможность обсудить всю проблему, тем более, что его слово по поводу изображения мужика в современной литературе имело особый вес. В свое время Горькому очень нравились «черноземные» бунинские рассказы («Золотое

дно», «Сны»). Горький не сомневался, что после Толстого мало кто среди современных писателей знал деревню лучше, чем Бунин. К тому же Бунин имел возможность непосредственно наблюдать за событиями в деревне последних лет и, следовательно, мог судить о них не понаслышке, а как живой очевидец.

Так или иначе, после свидания с Горьким на Капри Бунин обосновался на летние месяцы в деревне и «кинулся» писать, а к концу сентября 1909 г. у него вчерне была готова первая часть повести. О замысле своего нового произведения Бунин впервые упомянул в письме к Горькому 22 сентября: «Работать и мне ужасно хочется. И все это время строчил я что ни есть духу. Вернулся к тому, к чему вы советовали вернуться, — к повести о деревне. (...) Вчера остановился, написав около трех журнальных листов (всего, верно, будет семь), и так устал, что не спал почти всю ночь и руки трясутся. И теперь старичок ваш особенно задевает меня. Ах, эта самая Русь и ее история! Как это не поговорили мы с вами вплотную обо всем этом! Горько жалеть»⁹³.

Среди основных, достаточно глубоких и давних стимулов, побудивших Бунина взяться за «Деревню», было таким образом и сравнительно свежее литературное впечатление, которое «задевало» его и как-то соотносилось с замыслом новой повести. Это впечатление имело определенный источник — один из центральных эпизодов повести Горького «Исповедь», хорошо знакомой Бунину. О своем отношении к «Исповеди» Бунин имел возможность сказать Горькому при личной встрече на Капри и, несомненно, эту тему он затронул в своем письме. В середине 1909 г. Горький еще оставался под впечатлением критики «Исповеди» в марксистских кругах и в несохранившемся письме к Бунину он посетовал, что в его повести «пострадала классовая точка зрения». Бунин по-своему откликнулся на это признание. «Радуюсь, — отвечал он Горькому, — что пострадала „классовая точка зрения“ — пусть она и еще не раз пострадает»⁹⁴.

Можно предполагать, что Бунина в «Исповеди» заинтересовала не столько философия «богостроительства», которую он ни в чем не разделял, сколько собственно художественная проблематика, народные типы и народный язык, которые он находил достойными крупного таланта, находящегося в полном расцвете сил. В интервью 16 декабря 1910 г. Бунин высказал этот взгляд на повесть Горького (см. наст. том, кн. 1, стр. 368).

В горьковской «Исповеди» Бунина особенно задевал спор о народе и о Руси, возникший между «старичком», попом-расстригой Ионой, и «богоискателем» Матвеем во время их странствий по родной земле. Взыскующий истины Матвей уязвляет «старичка» нарочитыми словами о том, что народ «грязен телом и мыслями, нищ умом и хлебом, за копейку душу продаст...» Старик Иона в ответ раздражается гневной и страстной отповедью: «Что ты знаешь о народе? Ты, слепой дурак, историю знаешь? Ты вот почитай-ка это житие, иже — выше всех! — во святых отца нашего великомученика-народа! Тогда, может, на счастье свое, поймешь, что пред тобой, какая сила растет вокруг тебя, бесприютного нищего на чужой земле! Знаешь ты, что такое Русь? И что есть Греция, сиречь Эллада, а также — Рим? Знаешь, чьею волею и духом все государства строились? На чьих костях храмы стоят? Чьим языком говорят все мудрецы? Все, что есть на земле и в памяти твоей, все народом создано, а белая эта кость только *шрифтовала* работу его...»

Развивая далее свою мысль, Иона обращается к историческому прошлому русского народа; в своих рассказах он дошел до распада Киевской Руси, продолжал о Суздальской земле, а кончил Смутным временем, когда церковь «воздвигла гонения на скоморохов, веселых людей, которые будили память народа и шутками своими сеяли правду в нем».

Взгляд на Русь и ее историю, развитый Ионой, не на шутку задел Бунина. Все вопросы, поставленные «старичком», сохраняли для автора «Деревни» свою злободневность: что такое Русь, на чьих костях храмы стоят? чем душа народа жива и как он бога искал? каковы «князья» и каковы «мужики» в русской истории? По этим и многим другим вопросам у Бунина была собственная точка зрения, и, как художник, он готовился дать свои ответы, оспаривая историческую и поэтическую концепцию «Исповеди» Горького⁹⁵.

По возвращении в Россию Бунин долго находился под впечатлением встречи и бесед с Горьким. Он оценил глубину исторической концепции «окуровских» повестей; одну из них (вероятнее всего, «Большую любовь») Горький собирался посвятить Бунину. «Очень тронут вашим намерением, — писал Бунин 22 сентября 1909 г., — это для меня большая честь, не говоря уже о том, что твердо верю, что задуманное вами будет вашей чудесной песнью. И взволновали вы меня. Нет, это вдохновение, только вдохновение, — дрожь жизни, земли, которая отзывается в большом живом сердце и издали заражает и радует, — особенно теперь, среди мертвой дрожи кинематографа российской литературы»⁹⁶. Бунина волновала неподдельная увлеченность, глубина и оригинальность мысли, отличавшие рассказы Горького, особенно, когда он говорил о дорогих его сердцу вещах. Собственная мысль бунинской «Деревни» формировалась и в живом творческом контакте с некоторыми идеями Горького, и в очевидной полемике с его прогнозами скорого «воскресения» отсталой Руси (повести «Исповедь», «Лето» и др.).

Когда достаточно прояснилась историческая концепция современной повести о деревне, работа Бунина пошла с возрастающей быстротой. 11 февраля 1910 г. он сообщал Горькому: «... вы и представить себе не можете, как зверски работал я и как мотался! (<...> кончал, отделявал первую часть своей „Деревни“. Вчера отослал ее — в „Современный мир“. Будет она в мартовской книге, а вторая — в апреле и мае, — если только успею»⁹⁷. Продолжения «Деревни» в апрельском и майском номерах журнала не последовало, и печатание второй части по желанию автора было перенесено на осень 1910 г. После напряженных зимних месяцев Бунин так устал, что решил прервать работу над повестью и отправиться сначала в Одессу, а оттуда в путешествие по Европе. «Хочется мне на Капри — ужасно, — писал он Горькому в том же письме, — хочется очень поговорить с вами о ваших последних вещах, но удастся ли — и не ведаю»⁹⁸.

Не меньше, чем о последних произведениях Горького, Бунину хотелось поговорить о своей «Деревне». Еще до опубликования повести в мартовской книге журнала Бунин читал главы из нее на заседаниях «молодой» «Среды». Толки о новом произведении успели проникнуть в печать. В одной из газетных заметок, в частности, говорилось, что последнее произведение Бунина «выразительно окрашено с идейной стороны и, вероятно, вызовет разговоры и полемику справа и слева»⁹⁹. 2 марта московская газета «Утро России» поместила статью, в которой была сделана попытка критического истолкования повести¹⁰⁰. Статья эта задела и раздосадовала Бунина неосновательностью некоторых суждений. По приезду в Одессу он выступил с возражениями, разъяснив попутно в беседе с корреспондентом «Одесского листка» свои действительные намерения. «Мне кажется, — заключал Бунин, — что повесть моя написана очень просто, очень объективно, очень реально, и заблуждение автора мне, признаюсь, непонятно»¹⁰¹.

Со стороны Горького Бунин мог рассчитывать на несравненно более глубокое понимание. Он появился на Капри в конце апреля 1910 г. после небольшого путешествия по Северной Африке и Италии. Мартовская книжка «Современного мира» с первой частью «Деревни» к тому времени была уже не только получена, но и прочитана Горьким. Бунин пробыл на Капри две недели и имел полную возможность обсудить с Горьким все занимавшие их вопросы. О характере бесед между ними можно отчасти судить по краткому интервью, которое Бунин дал в Одессе после возвращения из Италии. Это интервью подтверждает, что беседы с Горьким касались злободневных вопросов общественной, политической и литературной жизни России¹⁰².

Еще до того, как критика успела определить отношение к «Деревне» как замечательному явлению текущего литературного сезона, Горький высказал Бунину лично свои впечатления по поводу первой части повести. Впечатления эти были более чем благоприятны, во всяком случае, после отъезда Бунина Горький пожелал ему вдогонку в своем письме: «Будьте здоровы, кончайте „Деревню“ так же твердо и хорошо, как начали и — да будет вам легко и свободно, дорогой друг!»¹⁰³

После встречи на Капри Бунин вернулся в Россию с возросшей уверенностью в значении своего труда. Лето после заграничного путешествия он провел в разъездах, пережил болезнь и смерть матери, был в Москве, где задержался дольше, чем предполагал,

а потом обосновался в деревне. «Кончилось все это прежней обителью, — сообщал он 15 июня Горькому из деревни, — но надолго ли? По всей России — холера, льют ледяные дожди. А уж какая всюду тишь да гладь — и сказать невозможно!»¹⁰⁴ Отзвуки последних российских впечатлений, тяжелых и сумрачных, несомненно, ощущаются в заключительной части повести.

Продолжение «Деревни» появилось в десятой книжке «Современного мира», и в конце октября 1910 г. Горький уже высказал Бунину свои впечатления о второй части повести: «Возвратясь домой, читал „Деревню“. Читал и говорю старым словом Стасова — „тузовая“ вещь. Хорошо. Строго, честно и — красиво! <...> И множество достоинств вижу в повести этой, волнует она меня — до глубин души. Почти на каждой странице есть нечто так близкое, столь русское — слов не нахожу достойных! Хороших кровей писатель Иван Бунин и — должен он беречь себя»¹⁰⁵.

За бунинской «Деревней» стояла большая традиция русской литературы, высочайший уровень национальной художественной культуры слова, и эта родословная отчетливо проявилась в общем строе и стиле повести, ее образной концепции и языке.

Первая часть повести являет собой деревню, воспринятую глазами ее нового хозяина — жадного, хищного, грязного, первобытно-некультурного. Бунин не зря протестовал против отождествления Тихона Красова с Лопахиным из «Вишневого сада», подчеркивая, что Лопахин — купец, а Красов — мужик, хотя оба героя выступают в сходной роли перекупщиков запустевшей дворянской усадьбы. Выделяясь среди односельчан своей безжалостной хваткой, расчетливостью, хозяйской удачливостью, Тихон Красов во всем прочем остается истинным сыном Дурновки, таким же темным русским мужиком, живущим той же грязной, обыденной, тоскливой жизнью, как все остальные. И в нравственном отношении он не выше и не ниже прочих односельчан. Его психология для Бунина — не исключение, а правило, то есть нечто характерное, типичное для изображаемой деревенской среды.

Русская тоска Тихона, как уточнил сам Бунин, вызвана не случайными, не личными причинами. Истоки ее — в тоскливости обыденной жизни, в тяжелой власти быта и привычек, укоренившихся в дурновском быту. Густой подбор бытовых и хозяйственных подробностей, развернутых в повести, создает истощающее представление о среде, окружающей героя. Домашний быт и хозяйство Тихона, его поездки на ярмарку, торговая лавка и скотный двор описаны Буниным с величайшей точностью, обстоятельностью, с ощущением места каждой детали, выявляющей черты глубокой отсталости всего деревенского уклада. Чрезмерную насыщенность бытового рисунка Горький считал едва ли не единственным недостатком «Деревни» среди множества ее достоинств: «Если надобно говорить о недостатке повести — о недостатке, ибо я вижу лишь один, — недостаток этот — густо! Не краски густы — нет, — материала много. В каждой фразе стиснуто три, четыре предмета, каждая страница — музей! Перегружено знанием быта, порою — этнографично, местно»¹⁰⁶.

В страсти исследования застойного быта русской деревни Бунин порою действительно перегружал свои описания и картины. Однако в подчеркнутой «густоте», максимальной плотности бытового материала заключалась и вполне сознательная художественная цель автора. «А что густа „Деревня“ — святая правда, — подтвердил Бунин, отвечая Горькому 13 ноября 1910 г. — Я ведь и сам писал вам: забил я себя в тиски!»¹⁰⁷ Бунин ставил своей задачей дать сжатый энциклопедический свод всего, что он мог сказать о деревне после русской литературы XIX в., и эта задача определила основные черты реализма его повести.

Наиболее серьезные затруднения при создании «Деревни» Бунин, по многим свидетельствам, испытал со второй частью повести. Первоначальный план, связанный, главным образом, с фигурой Тихона Красова, оставлял слишком тесные рамки для разросшегося и усложнившегося замысла. Идея повести требовала расширения исторической экспозиции («Ах, эта самая Русь и ее история!», и Бунин по ходу работы осуществил трудную корректировку, переименовав ведущего героя. Все события второй части «Деревни» даются глазами Кузьмы Красова, родного брата Тихона. Горький сразу почувствовал эту смену точки зрения: «Несомненно — есть разница с первой частью, кою я перечитал, конечно, — но это та разница, что в симфониях — разница темпа»¹⁰⁸.

Сравнение с симфонией здесь особенно уместно потому, что во второй части разворачивается новая и контрастная тема — история человека, который погнался не за богатством, а за правдой, и этот человек тоже сын Дурновки, вторая ипостась неуловимо изменчивой крестьянской души. Бунин нашел глубокий художественный контрапункт, позволивший ему подойти к поставленной проблеме с необходимой исторической объективностью и полнотой.

Если в первой части повести содержание жизни Тихона Красова направляет взгляд на экономику, быт, социальные отношения в русской деревне эпохи между отменой крепостного права и революцией 1905 г., то во второй части эта же эпоха рассматривается преимущественно с точки зрения умственных и духовных исканий, совершавшихся в народной среде. Брожение мысли «внизу», в самой толще народа, веками отгороженного от просвещения и культуры, есть также элемент истории, и для такого внимательного художника, каким был Бунин, эта сторона исторического процесса представляла первостепенный интерес.

Описывая историю «русского самоучки» Кузьмы Красова, первые проблески его «авторской» мысли и зарождение серьезных умственных интересов, Бунин вступал в заповедную область, которая раньше и полнее других в русской литературе была освоена Горьким. Эпизоды интеллектуального пробуждения человека из народа, его настоячивые, страстные, порой трагические попытки вырваться из темноты и невежества к свету широко и многосторонне представлены в горьковских повестях и рассказах 1890-х годов («Коновалов», «Супруги Орловы», «Озорник», «Трое» и др.). В 1910-е годы Горький вновь вернулся к этой теме, она затронута в «окуровских повестях», а его автобиографическая трилогия «Детство», «В людях», «Мои университеты» явилась исчерпывающим итогом рассмотрения указанной проблемы в русской прозе первой четверти XX в. Бунин в «Деревне» не обошел «горьковские» мотивы, и современная критика тотчас же указала на это, отметив «страсть к резонерству Кузьмы, заимствованную им не совсем удачно у горьковского Тиунова („Городок Окуров“) ...»¹⁰⁹

Факт близости установлен совершенно точно, но объяснен и оценен — поверхностно. «Страсть к резонерству» Кузьмы есть органическое свойство его характера, выражение преобладающей склонности натуры — найти общее философское объяснение всему сущему — и вокруг себя, и в себе самом. При темноте и безграмотности подавляющей части населения русская жизнь последней трети XIX в. формировала во множестве своих безвестных философов, уездных и деревенских, своих писателей-самоучек, среди которых встречались и даровитые, оригинально мыслящие люди. Черты духовной биографии Кузьмы Бунин собирал из многих источников. По свидетельству В. Н. Буниной, прототипом Кузьмы отчасти послужил елецкий поэт-самоучка Е. И. Назаров, о котором Бунин в молодости написал статью. Перед его глазами стояла участь и многих других, гораздо более известных русских писателей, задавленных нищетой, погубленных водкой, опустившихся до потери «лика человеческого», помышлявших, как Кузьма Красов, о самоубийстве, или даже наложивших на себя руки. Так, в частности, кончил жизнь Николай Успенский, судьба которого в свое время потрясла Бунина¹¹⁰.

Бунин отдал Кузьме Красову и некоторые обстоятельства собственной биографии¹¹¹. Подобно Бунину в юности, Кузьма стал было страстным приверженцем Толстого: с год не курил, в рот не брал водки, не ел мяса, не расставался с «Исповедью». Бунин провел Кузьму по югу России и Украины, по тем же местам, где сам странствовал в молодости, и, что существеннее, наделил его собственной наблюдательностью, необыкновенно острой, пронзительной, безошибочно схватывающей окружающие предметы и лица.

Сказанное не означает, что Бунин себя описывал в Кузьме Красове. Писатель переносил в характер героя не узколичное, индивидуальное из своей судьбы, а то общее, что входило в духовные скитания и тяготы жизни многих русских людей конца прошлого века. Используя систему многочисленных «переносов», Бунин в обрисовке Кузьмы Красова сумел сохранить необходимую художественную объективность. Он отбрасывал все, что мешало выдержать индивидуальность данного характера-типа. Для

автора «Деревни» Кузьма Красов был выходцем из Дурновки, просветившимся в меру сил и возможностей русским мужиком, яснее других сознающим весь ужас положения деревни, да и всего народа. И в его душе Бунин стремился выявить сложные сплетения, светлые и темные стороны национального характера, обусловленные обстоятельствами, временем и средой:

При первом же чтении «Деревни» Горький вполне оценил и эту сторону повести. «Славно, крепко сделан Балашкин, — писал он Бунину. — Кузьма — впервые является в литературе нашей так резко очерченным и „с подлинным верно“, — до того верно, что я уверен, умный историк литературы будет опираться на Кузьму, как на *тип*, впервые данный столь определенно»¹¹². Горький, конечно, узнал в Кузьме знакомые приметы и отдал должное художественной рельефности, с какой Бунин объединил известные черты правдоискателя-самоучки в определенный литературно-исторический тип. Замечание Горького тем более существенно, что в диалогах Балашкина и Кузьмы содержатся прямые параллели с соответствующими рассуждениями Тиунова в «Городке Окурове».

О. Михайлов в статье «„Деревня“ Бунина и М. Горький» обратил внимание на «отдельные островки полемики», возникшей в связи с обсуждением вопроса, что за государство Россия и какое сословие определяет ее историческое лицо¹¹³.

Спор о том, есть ли Россия государство городское, уездное, или она «вся — деревня», то есть страна крестьянская, — это лишь звено более широкой полемики о национальном характере народа и об исторической основе его психики. Окуровский философ Тиунов ведет родословную уездной России от стрельцов, пушкарей, тиунов, то есть людей «нужных». Тиунов недоволен, что «православное коренное мещанство — позади поставлено, а в первом ряду Фогеля, да Штрехеля, да разные бароны». Протест Тиунова против приниженности уездного городского мещанства принимает стихийно-националистическую, черносотенную окраску. Тиунов не может освободиться от представлений и понятий окуровщины, ее психологии и морали, хотя именно ему Горький доверяет в некоторых случаях собственные заветные мысли о русском народе.

В отличие от мыслителей «окуровского» масштаба, Горький последовательно различал народное и мещанское в национальной психике. Освобождение народа от власти мещанской психологии он рассматривал как необходимое условие общего исторического возрождения страны. Именно так ставится вопрос в «Городке Окурове» и «Жизни Матвея Кожемякина», а затем — еще более отчетливо — в автобиографической трилогии. Осознание смысла и значения основных черт русской истории — вот проблема, к которой Горький и Бунин подошли с разных сторон. Оба они избрали путь объективного изучения русской жизни, хотя и предмет и метод исследования сохранили резкую печать личности каждого художника, свойственный каждому взгляд на вещи.

«Окуровская» Русь для Горького при всей ее «свинцовой» неподвижности, не есть вечное состояние страны. Это лишь особый этап, особый пласт русской истории, который медленно, мучительно, но все же изживается и в конце концов будет изжит народом.

Бунин по отношению к истории (причем не только русской, но и всемирной) исходил из обратной концепции. Все исторические перевороты и перемены, с его точки зрения, никуда и ни к чему не ведут. Древние, первобытные основы жизни сохраняют над человеком и человечеством свою власть. Социальные изменения захватывают лишь внешние формы жизни, ничего не меняя в ней по существу. Решающую роль в жизни народов имеют вечные законы, по отношению к которым историческое время и общественный прогресс — бессильны. Философско-историческая концепция Бунина связана с основными идеями Льва Толстого, своеобразно воспринятыми и усвоенными им еще с 1890-х годов.

В творчестве Бунина для некоторых иллюзий его предшественников уже не оставалось места. Он был писателем более поздней, более определившейся эпохи, чем та, что сформировала учение и взгляды Толстого. Однако, реально оценивая укладываемые буржуазные отношения, Бунин вслед за Толстым продолжал придерживаться точки зрения «вечных» начал, тяготеющих над национальной историей, национальным

характером, народной нравственностью, религией и т. п. Эта привязанность Бунина к неподвижным, неизменным категориям объясняется не только духовным влиянием толстовской идеологии. Взгляды Бунина в основе своей сами восходили к тому же реальному источнику, из которого возникали понятия толстовской философии, — «переворотившемуся» и в то же время бессильному перед будущим патриархальному строю. Поэтому толстовские идеи и были так прочно усвоены Буниным.

Горький сразу же ощутил «толстовское» (как, впрочем и «чеховское») начало в бунинской повести, но подчеркнул он прежде всего глубокую ее самобытность. Он писал Бунину в декабре 1910 г.: «Конец „Деревни“ я прочитал — с волнением и радостью за вас, с великой радостью, ибо вы написали первостепенную вещь. Это — несомненно для меня: так глубоко, так исторически деревню никто не брал. Можно бы говорить о Льве Николаевиче, но „Утро помещика“ и прочее — это другая эпоха, и это эпизоды из жизни Толстого. „Мужики“, „В овраге“ — тоже эпизоды — простите! — из жизни ипохондрика. Я не вижу, с чем можно сравнить вашу вещь, тронут ею — очень сильно. Дорог мне этот скромно скрытый, заглушенный стон о родной земле, дорога благородная скорбь, мучительный страх за нее — и все это — ново. Так еще не писали»¹¹⁴.

Чехов первый указал своим последователям новые стилистические возможности уплотненного, предельно объективного по тону письма, осветившего непривычно резким светом весь быт русской деревни, и Бунин воспользовался этим открытием и мастерски развил его. Он взглянул на Дурновку с двух противоположных, но в итоге сходящихся точек зрения — Тихона и Кузьмы Красовых, исчерпав все аналитические возможности того и другого взгляда. Конец «Деревни» сводит воедино общие итоги повести. Это Дурновка глазами Кузьмы, который возвращается назад в деревню, на круги своя. Главное здесь — уже не отдельные лица, а весь уклад, весь быт русской деревенской жизни, затягивающей человека, как мертвое колесо. Поселившись опять в Дурновке, Кузьма, наподобие Матвея Кожемякина в «Городке Окурове», становится наблюдателем и летописцем своей среды. Перед глазами «блудного сына» Дурновки, проснувшегося и прозревшего мужика, проходят, как в дурном сне, его же односельчане, живущие, как жили и сто, и двести, и тысячу лет назад.

Одной из основных фигур последней части повести является Серый — самый нищий мужик во всей деревне. Серый — мечтатель и бездельник — сущий Обломов по праву. Он все надеется, что «корабли приплывут», что подвернется ему царская удача, как Иванушке-дуратку в народной сказке. А пока что сидит сиднем у себя на лавке. Многолетний опыт, собственный и общий, хорошо знакомый нищим мужикам, задавленными податями сверх меры, подсказывает Серому, что от убыточного хозяйства все равно нет никакого проку. Его хозяйственный интерес к результатам своего труда глубоко подорван, ибо тощий надел, обложенный непосильной податью, есть проклятое наследие того же крепостного строя, от которого терпели муку и деды и прадеды Серого. Создавая «Утро помещика», Толстой провел своего Нехлюдова от самого нищего до самого богатого мужицкого двора, чтобы доказать несовместимость крестьянского благополучия с крепостным рабством. Бунин в «Деревне» проделал обратный путь художественного исследования — от самого богатого (Тихон Красов) до самого нищего мужика (Серый) — и доказал, что пятьдесят лет, истекшие после отмены крепостного права, мало что изменили в фактическом положении вещей. Гнилая изба Чурисенка и дырявая изба Серого стоят одна другой.

Существо дела заключается в том, что нужда и страдания народа не исчезли с отменой крепостной зависимости. Сохранились условия экономически, социально и духовно скованной жизни, заведенные веками, сохранились привычки и психология, глубоко вбитые в сознание тысячелетним прошлым. С точки зрения этой двойной исторической наследственности Бунин оценивает не только пассивность Серого, но и противоположное, деятельное начало его натуры. А в редкие минуты подъема Серый выказывает необыкновенную активность. Но эта активность — минутная. Вспышками. Приступами. Пассивность — постоянная. Веками.

Исследуя быт, психологию и весь уклад жизни дурновцев, Бунин не сводил дело к набору «журнезов», против чего справедливо возражал в свое время еще Салтыков-

Щедрин. Автор «Деревни» рассматривал коренные и устойчивые основы существования самого многочисленного класса старой России и доказывал, что эти основы — трагичны. Все личные недостатки, изъяны, пороки, личная «вина» каждого человека в Дурновке сложно и прихотливо сплетены с общей исторической бедой, и эта тысячелетняя народная беда, национальное горе-злочастие больше всего бередили восприимчивую и страстную душу Бунина-художника.

Критическая направленность «Деревни» была в лицо тогдашним черносотенцам и националистам, пытавшимся прикрыть национальным знаменем позорный режим Российской империи. Суворинское «Новое время» вполне отчетливо уразумело, что такие произведения, как «Городок Окуров» Горького и «Деревня» Бунина, стоят рядом по остроте критики современного социального строя. «Есть целая группа писателей, — негодовала газета, — задача которых — изобличение России, русского народа: правительства, армии, чиновников, духовенства, обывателей, мещан, крестьянства. Изобличительная литература, зародившись в радикальных толстых журналах, сосредоточилась потом, в годы смуты, в сборниках „Знания“. Сборники эти играли роль революционных пулеметов и долгое время осыпали Россию градом хулы и клеветы». Для взбешенного рецензента суворинской газеты и «Городок Окуров» и «Деревня» — это «тенденциозный деготь», «ругательские повести», и он давал «Горьким и Буниным» вполне нововременский совет: «„не судите, да не судимы будете“, и право, лучше будет, если замолчат, если прикусят язычки непрощенные обличители...»¹¹⁵

«Городок Окуров» и «Деревня» — произведения параллельного плана, и критик «Нового времени» невольно подтвердил их созвучие, достаточно явственное для современников. Обе повести — каждая в своем духе — звучали как обвинительный приговор. При всех отличиях идейно-философской постановки вопроса о национальном характере и национальной ответственности, о Руси и ее истории, Горький и Бунин как художники объективно сходились в суровой оценке настоящего положения вещей.

Горький первым разгадал действительный исторический и нравственный пафос «Деревни», которому он не мог не сочувствовать, и первым же указал на истинную глубину самобытного художественного исследования жизни, достигнутую Буниным. В декабрьском письме 1910 г. он писал ему: «... я знаю, что когда пройдет ошеломленность и растерянность, когда мы излечимся от хамской распущенности — это должно быть или — мы пропали! — тогда серьезные люди скажут: „Помимо первостепенной художественной ценности своей, „Деревня“ Бунина была толчком, который заставил разбитое и распатанное русское общество серьезно задуматься уже не о мужике, не о народе, а над строгим вопросом — быть или не быть России? Мы еще не думали о России — как о целом, — это произведение указало нам необходимость мыслить именно обо всей стране, мыслить исторически“»¹¹⁶.

Значит ли сказанное, что самый метод исторического мышления Горького и Бунина был одинаковым? Нет, разумеется! По сути, как уже говорилось, они исходили из разных исторических концепций, и их повести давали неоднозначные ответы на многие вопросы, поставленные жизнью. Размышления о России, о народе, с его настоящим и будущим, развернутые в «Деревне» и «Городке Окурове», подтверждают лишь, насколько близкие проблемы волновали обоих писателей в тяжелый момент национальной истории.

«Деревня» — лишь одно из классических произведений поры расцвета бунинского таланта. Но, может быть, как никакое другое, оно дает возможность ощутить глубину коренных связей Бунина с историей русского реализма. Сам Бунин признавал, насколько важным для него в это время было общение с Горьким. Не письмом хотелось Бунину ответить на дружеские слова, обращенные к нему с Капри. «Ибо что скажу я в письме? Все будет плоско и мертво, а, видит бог, сердце мое и было, и есть переполнено нежностью и благодарностью, — писал он Горькому и М. Ф. Андреевой 17/30 декабря 1910 г. — Позвольте промолчать, дорогие и милые друзья, позвольте сказать только, что если напишу я после „Деревни“ еще что-нибудь путное, то буду я обязан этим вам, Алексей Максимович. Вы и представить себе не можете, до чего ценны для меня ваши слова, какой живой водой брызнули вы на меня!»¹¹⁷

ИВ. БУНИНЪ

СУХОДОЛЬ

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ
1911—1912 г.КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
МОСКВАДорогому Алексею Максимовичу
от старого друга

Ив. Бунина

СУХОДОЛЬ.—ЗАХАРЪ ВОРОБЬЕВЪ.—СТО ВОСЕМЬ.—НОЧНОЙ
РАЗГОВОРЪ.—СИЛА.—ХОРОШАЯ ЖИЗНЬ.—СВЕРЮКЪ.—
ВЕСЕЛЫЙ ДВОРЪ.—ИГНАТЬ.Москва
Октябрь 12 г.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ БУНИНА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ «СУХОДОЛЬ» (М., 1912):

«Дорогому Алексею Максимовичу от старого друга Ив. Бунина. Москва. Октябрь 12 г.»

Обложка и шмуцтитул

Музей А. М. Горького, Москва

5

После двух встреч весной 1909 и 1910 гг. знакомство Горького и Бунина перешло в тесную дружбу. Бунин принял приглашение Горького и М. Ф. Андреевой провести на Капри несколько осенних месяцев. Вместе с женой и племянником Н. А. Пушешниковым он приехал на Капри 1 ноября 1911 г. и пробыл там до 17 февраля 1912 г.

В первые дни по приезде Бунин не сразу наладился работать, был больше обычного раздражен и чем-то задет при встрече с Горьким. В их отношениях, совершенно безоблачных после «Деревни», наступил момент, когда вновь дали знать о себе полярные стороны их характеров, совсем не простых и далеко не во всем согласных друг с другом. После избрания в академики Бунин был в зените своей писательской славы. Он хорошо знал о ревности со стороны Андреева, Куприна, ему мнилось, что и Горький переменял к нему прежнее отношение. В одном из первых писем к брату Юлию с Капри 6 ноября 1911 г. у Бунина вырвалось недвусмысленное признание: «...необходимость ходить к нему выбивает из интимной тихой жизни, при которой я только и могу работать, мучиться тем, что совершенно не о чем говорить, а говорить надо, имитировать дружбу, которой нету,— все это так тревожит меня, как я и не ожидал. Да и скверно мы встретились: чувствовало мое сердце, что энтузиазму этой „дружбы“ приходит конец,— так оно и оказалось. Никогда еще не встречались мы с ним на Капри так сухо и фальшиво, как теперь»¹¹⁸.

Это признание Бунина знаменательно как свидетельство потаенных противоречий, существовавших в его личных отношениях с Горьким и проявившихся впоследствии, при изменившихся исторических обстоятельствах, со всей разрушительной силой. Но те внешние поводы, которые навели Бунина на мысль о «конце» энтузиазма их завязавшейся дружбы, оказались, видимо, преходящими. Постоянное общение растопило ледок подозрений, возникших при ноябрьской встрече 1911 г. У Бунина

было много случаев убедиться в широте и щедрости отношения к нему со стороны Горького. Тон упоминаний о нем в бунинских письмах быстро выравнивается. К тому же на Капри Бунину особенно хорошо писалось. На него благотворно действовали мягкая теплая погода, тишина, относительное безлюдье. У Горького Бунины стали бывать все чаще. Вместе гуляли по Капри, вместе проводили долгие вечера, на которых присутствовали и другие гости в доме и приглашенные к столу лица. О встречах с Горьким Бунин писал 8 декабря 1911 г. Телешову: «Бываем у него через день, через два, по вечерам. Сидим, поругиваем современную литературу и нравы писательские. По целым дням пишу»¹¹⁹.

К середине декабря 1911 г. на Капри собралось особенно много литераторов. «У нас сейчас, — писала М. Ф. Андреева, — прямо съезд какой-то писателей: тут Бунин, Коцюбинский, Черемнов и еще целая куча, все пишут, читают. Бунин написал превосходнейшие, но страшные по содержанию вещи, когда слушаешь их, волосы дыбом становятся, ей-богу. Сам Алексей Максимович так и горит весь»¹²⁰.

Бунинские вещи, о которых упоминает М. Ф. Андреева, — это несомненно, рассказы «Хорошая жизнь», «Сверчок», «Ночной разговор» и «Веселый двор». Все они были закончены Буниным на Капри в ноябре — декабре 1911 г. и прочтены у Горького. Об успехе этих чтений Бунин сообщал в письмах брату Юлию, Телешову и другим. По поводу рассказа, который произвел на Горького особенно сильное впечатление, Бунин писал Н. С. Клементову 24 декабря 1911 г.: «Он о мужиках, называется „Ночной разговор“. Позавчера я читал его у Горького (был Коцюбинский и еще кто-то) и теперь спокоен — рассказ имел большой успех — хоть знаю, что вызову большое озлобление (и опять дурацкое) у господ критиков»¹²¹. Несомненно под впечатлением от прослушанных рассказов «Хорошая жизнь», «Ночной разговор» и «Веселый двор» Горький заметил в письме И. А. Белоусову: «А лучший современный писатель — Иван Бунин, скоро это станет ясно для всех, кто искренне любит литературу и русский язык!»¹²²

8/21 февраля 1912 г. в присутствии Коцюбинского, Ивана Вольнова, Черемнова, Миролюбова и других гостей Бунин читал у Горького «Суходол». Новая повесть вызвала разногласия и споры. Отзвук их сохранился в письме Коцюбинского к А. И. Аплакסיной: «...Бунин читал повесть „Суходол“, которая будет напечатана в „Вестнике Европы“. Очень красиво написанная вещь, хотя философия ее для меня неприемлема, и мы вчера долго, до 2-х часов ночи спорили»¹²³.

В феврале же Бунин прочел новый рассказ «Захар Воробьев». На следующий день после чтения Пушешников писал Ю. А. Бунину: «„Захар Воробьев“ будет в сборнике „Знание“. По прочтении его Горький сказал: „Об этом ни слова никому не говорите. Это пойдет ко мне“. Чтение было вчера, когда к нам неожиданно вечером пришли гости: Горький, В. С. Миролюбов, М. М. Коцюбинский и М. Ф. Андреева (<...>). Сначала разговор не вязался — молчали, мычали — и Бунин предложил гостям прослушать его новый небольшой, на полчаса, рассказ. После двух первых страниц Горький сказал: „Это что-то хорошо! Постойте, дайте дух перевести“. Горький был захвачен — „Это великолепно! Какие люди у нас бывают!“ Михаил Михайлович сказал, что рассказ прекрасный, „он словно пропитан ржаным запахом“. Виктор Сергеевич тоже хвалил, но особенно много и долго, несколько раз возвращаясь к теме, хвалил Горький. Даже дорогой, пока мы провожали его до дома, он продолжал о рассказе. Он шел отдельно с Иваном Алексеевичем и был как-то особенно ласков, нежен и кинтимно мягок с ним. Он очень любит, когда говорят о больших людях, героях»¹²⁴.

Кроме Бунина, с чтением своих новых произведений выступали и другие авторы. Событием были те дни, когда читал Горький. В кругу друзей им были прочитаны в начале 1912 г. рассказ «Три дня» и некоторые из сатирических «Русских сказок». «Горький написал очень хороший рассказ „Три дня“, — сообщал жене Коцюбинский, — а, кроме того, семь русских сказок, очень ядовитых, но остроумных и хороших. Вообще он чудесно пишет теперь. Бунин тоже написал много и все хорошие вещи. Он довольно симпатичный, немного суховатый, вроде академика, и очень работающий»¹²⁵. В интервью, данном по приезду в Россию, Бунин также высоко оценил последние про-

изведения Горького. На вопрос корреспондента о том, как отражается жизнь вдали от родины на творчестве и работе писателя, Бунин ответил: «Судя по крайне интенсивной работе в последние несколько месяцев, оторванность отражается в очень незначительной степени. Помимо большого задуманного им труда (имеется в виду „Детство“.— А. Н.), он за эту зиму написал повесть „Три дня“ и несколько мелких вещей под общим заглавием „Русские сказки“. В сатирическо-символическом изложении сказки эти затрагивают различные стороны современной русской действительности. При мне он написал десять таких сказок, но думаю, что из них добрую половину придется напечатать за границей...»¹²⁶

17 февраля/1 марта 1912 г. Бунин уехал с Капри. В тот же день Горький заметил в письме к В. И. Качалову: «Знаете — он так стал писать прозу, что если скажут о нем: это лучший стилист современности — здесь не будет преувеличения»¹²⁷. В этом выводе — отзвук общего признания, с каким тесный писательский круг на Капри отнесся к расцвету таланта Бунина-художника.

В своем приветствии по случаю 25-летия литературной деятельности Бунина, оглашенном в октябре 1912 г. на юбилейном собрании в Москве, Горький высоко оценил заслуги Бунина перед русской художественной культурой, особо отметив дар «всемирности», который отличал наиболее крупных художников России: «И проза ваша, и стихи, с одинаковою красотой и силой раздвигали пред русским человеком границы однообразного бытия, щедро одаряя его сокровищами мировой литературы, прекрасными картинами иных стран, связывая воедино русскую литературу с общечеловеческим на земле. Двадцатипятилетняя работа ваша, полная ревностной любви к родному языку — красота его всегда так тонко чувствуется вами — эта еще не оцененная работа дает нам радостное право сказать, что вы являетесь достойным преемником тех поэтов, которые породили русскую литературу с европейской, сделали ее одним из самых замечательных явлений XIX века»¹²⁸.

В этом дружеском послании сжато выражена та историческая оценка таланта Бунина-художника, которой Горький последовательно придерживался до конца жизни. Как никто, Горький умел угадывать главное, что занимало Бунина в литературе: он вовремя поддерживал его в мыслях о «Деревне» и по существу предсказал новую полосу бунинских исканий, озаглавленную такими рассказами, как «Братья» и «Господин из Сан-Франциско».

16 ноября 1912 г. Бунин с женой и племянником снова были на Капри. «Опять началась та же размеренная жизнь, — отметил в своих записях Пушешников. — Ежедневные свидания с Горьким, который на этот раз неизменно ласков и радужен»¹²⁹. Как и в прежние приезды, Бунин — неизменный участник литературных и музыкальных вечеров в доме Горького, постоянный его собеседник и спутник на прогулках. У Горького и Бунина возник даже план совместной поездки по Европе, но из-за срочных литературных работ этот план пришлось отложить. Как обычно, Бунин почти сразу же принялся за работу. Он готовил к изданию сборник повестей и рассказов 1911—1912 гг., в который хотел включить также несколько новых вещей. За эту зиму им были написаны «Князь во князьях», «Худая трава», «Вера», «Лирник Родион» и др.

В этот приезд Бунины пробыли на Капри до 24 марта/6 апреля 1913 г. В беседе с корреспондентом одной из московских газет Бунин рассказал о своих каприйских трудах и днях. «Я очень однообразно, — сказал Иван Алексеевич, — провел зиму, прожив всю сплошь на острове Капри. Пришлось очень много работать: к этому там располагает тамошняя жизнь. На этой скале, торчащей среди синего моря и голубого прозрачного неба, много уюта, простоты, нет сутолоки, шума, а я все это очень ценю. На Капри мало живет народа. Единственный человек, с кем встречался постоянно, — это Алексей Максимович Горький. Вот уже вторую зиму я провожу с ним вместе»¹³⁰.

В каприйские годы Горький и Бунин неоднократно возвращались к разного рода издательским планам¹³¹. Кроме общего сборника наиболее интересных критических статей об их творчестве, они наметили выпустить книги на следующие темы: «Русский мужик в литературе», «Забывшие поэты», «Забывшие беллетристы».

Вошедшие в традицию публичные чтения новых бунинских вещей в кругу Горького на Капри были продолжены и зимой 1912/13 гг. Обычный круг слушателей к этому времени заметно поредел. Неизлечимо больной Коцюбинский умирал на родине. Уехала в Россию М. Ф. Андреева. Реже приезжали гости. На острове стало тихо и пустынно. Горький и Бунин, как и прежде, встречались постоянно, проводя вместе долгие вечера. 31 декабря, под Новый год, Бунин прочел у Горького рассказы «Преступление» («Ермил»), «Вера» («Последнее свидание») и «Князь во князьях»¹³². Позже были читаны два новых рассказа, один из которых, как установил А. К. Бабореко, — несомненно, «Лирник Родион». Об этом чтении в дневнике Н. А. Пушешникова сохранилась краткая запись: «Иван Алексеевич недоволен всем и раздражен. Читал своих два новых рассказа Горькому. Один ему, видимо, не понравился, но другой <...> довел его до слез. Во время чтения вставного четверостишия Горький заплакал, встал и стал ходить: „Вот черт его дер! — как бы стыдись. — Вот и Тургенева не могу читать — реву“»¹³³.

Горькому очень понравился также рассказ «При дороге», прочитанный Буниным незадолго до отъезда с Капри. Тогда же, 14/27 марта 1913 г., в письме к писателю-сибиряку Г. Д. Гребенникову, Горький сравнил Бунина с такими прославленными мастерами-стилистами, как Тургенев и Чехов: «Я очень рекомендую вам: изучайте русскую литературу, это вам поможет. Тургенев научит вас писать природу, пейзаж, Чехов покажет вам, что такое диалог, как, в действительности, говорят живые люди, научит строить фразу, предложение — кратко и точно. Последние рассказы Бунина, талант которого все развивается, восходит на высоту талантов Тургенева и Чехова, эти рассказы дадут вам понять, как можно строить повесть, располагать материал, — научат, как нужно слить слова с образом. Возьмите, на пробу, в „Суходоле“ рассказ „Захар Воробьев“, — посмотрите, как это сделано, посмотрите — в начале 107 страницы, — как автор сразу заставит вас почувствовать всю страшную тоску русской жизни»¹³⁴.

Весна 1913 г. была последней, проведенной Горьким и Буниным вместе на Капри. 5 апреля/23 марта Горький заметил в письме к Н. А. Румянцеву: «Ветер дует, дом качается, хлопают двери. Завтра уезжает в Скифию Ив. Бунин, — ах, как прекрасно стал писать этот человек! Удивительно!»¹³⁵ О возвращении в Россию со все возрастающим нетерпением думал и сам Горький. В связи с трехсотлетием дома Романовых в России был опубликован правительственный манифест об амнистии лицам, привлекавшимся к суду за «преступные деяния, учиненные посредством печати». При ближайшем изучении правительственного документа выяснилось, что амнистия оказалась далеко не полной. Выдавая визу на въезд в Россию, русский консул в Неаполе предупредил Горького, что на родине он может быть арестован и сослан на поселение.

В мае 1913 г., по приезде с Капри, Бунин сообщил в газетном интервью: «Алексей Максимович очень нервничал в этом году. Причиной его волнения была амнистия. Она ведь много вызвала толков за границей. Надеялись и мечтали... Горький так рвется в Россию. После ознакомления ко всему еще примешалось разочарование, — амнистия ведь мало кого коснулась. Вначале Алексей Максимович хотел было ехать на родину, но потом раздумал. Останавливает его то, что он не утерпит, вырвется крик боли, а, знаете, с чем это связано в матушке-России — опять беги»¹³⁶.

Тем не менее, ничто уже не могло удержать Горького от решения вернуться. В самом конце декабря 1913 г. он уехал в Россию. С Буниным, собравшимся вновь зимовать на Капри, Горький разминутся. Эту зиму Бунин провел на Капри в одиночестве. Каприйский литературный кружок распался навсегда. Времена, проведенные вместе на острове Капри в 1909—1913 гг., остались лучшей порой в отношениях Горького и Бунина, золотой порой их писательской дружбы, почти ничем не омраченной. Даже через много лет после разрыва, в эмиграции, Бунин отдал должное этой поре: «Одно время, особенно на Капри, где я прожил три зимы, мы с Горьким дружили. Лично ко мне он всегда выказывал большое расположение, внимание, даже нежность. Я не мог на это не отзываться...»¹³⁷

КАПРИ. ОТЕЛЬ «КВИССИСАНА»

Здесь зимой 1911—1912 гг. жил Бунин

Открытка. Внизу помета Бунина: «Это наши окна»

Музей И. С. Тургенева, Орел

6

Событиями первой мировой войны и революции завершается история личных отношений Бунина и Горького. Последние годы их близости приходятся на небывало сложную эпоху великих социальных бурь и потрясений, изменивших лицо мира.

20 июля 1914 г. Горький писал И. М. Касаткину: «Я давно — года три — как убежден был в неизбежности общеевропейской войны, считал себя подготовленным к этой катастрофе, много думал о ней, но — вот она разразилась, и я чувствую себя подавленным, как будто все случившееся — неожиданно. Страшновато за Русь, за наш народ, за его будущее, и ни о чем, кроме этого, не думаешь <...> Вообще „ничего в волнах не видно“, ясно одно: мы вступаем в первый акт трагедии всемирной. Чем кончится она?»¹³⁸

Чувство «подавленности», испытанное Горьким в первые дни войны, привело его на известный момент к потере правильной политической ориентировки. Свидетельством этому служит его подпись под обращением «От писателей, художников и артистов», опубликованным в «Русских ведомостях» 28 сентября 1914 г. и перепечатанным на следующий день «Утром России» и другими газетами. Автором текста этого обращения был Бунин. В сентябре 1914 г. он приезжал в Петербург, встречался там с разными лицами, в том числе с Горьким. Не исключено, что именно по просьбе Бунина Горький согласился подписать документ, под которым уже стояли десятки подписей. Подпись Горького под обращением настолько огорчила Ленина, что спустя месяц он поместил в газете «Социал-демократ» заметку «Автору „Песни о Соколе“», в которой дал резкую политическую оценку этому коллективному протесту¹³⁹.

Через два дня после опубликования протеста, в Финляндию, недалеко от станции Мустамяки, где жил Горький, состоялось совещание членов социал-демократической фракции большевиков с некоторыми партийными работниками. На совещании обсуждались не терпящие отлагательства вопросы, связанные с отношением к войне. Самое

место совещания позволяет предположить, что Горький знал о нем. Показательно, что в тот же день, когда совещание закончилось — 1 октября 1914 г., — в письме к В. С. Войтинскому Горький поддержал интернационалистическую позицию в вопросе о войне и выразил сожаление, что поставил свою подпись под коллективным воззванием: «... а вот протест литераторов против „немецких зверств“ — подписал вторых, и это меня очень мучает...»¹⁴⁰

В конце октября 1914 г. Горький выехал в Киев, где пробыл более трех недель. На Украине гораздо сильнее, чем в столице, воспринимались вести о громадных потерях, которые несла в сражениях армия, — все это действовало на Горького удручающе. Во второй половине ноября 1914 г. он вернулся в Москву. Здесь на квартире Е. П. Пешковой в Машковом переулке Горький встретился с Буниным и Шалапиным. Присутствовавший при встрече И. М. Касаткин довольно подробно передает свои впечатления о Горьком и его беседах: «Он только что приехал в Москву. Дыма папиросою, взволнованно заговорил о войне, о наплыве в столицу раненых. Позднее явился сухонький, подтянутый (...) Иван Бунин. Еще позднее, прямо из театра, приехал вальняжный, с широкими королевскими жестами, Федор Шалапин. Я жадно присматривался к этим столь известным и столь различным трем фигурам, вслушивался в их высказывания о трагедии войны, тоже довольно различные, — и неясна была судьба народных масс, гонимых на военные поля. Беседа затянулась до рассвета»¹⁴¹.

На основании имеющихся материалов можно с достаточной вероятностью определить круг вопросов, которые в те дни волновали Горького и так или иначе должны были стать предметом общего разговора. В печати только что появилась статья Л. Андреева «Освобождение», в которой он по-своему полемизировал с коллективным обращением писателей, художников и артистов. Несколько раньше, 30 октября 1914 г., в «Биржевых ведомостях» была напечатана статья Сологуба «Мира не будет» с упреками правительству за недостаточную жестокость по отношению к пленным немцам. Ко времени московской встречи успел выйти из печати первый альманах «Война» с шовинистическими статьями Арцыбашева, Куприна, Вас. Ив. Немировича-Данченко и др. Общий дух этих выступлений вызвал у Горького глубокое негодование.

Не подлежит сомнению, что Бунин разделял некоторые ходовые предрассудки насчет войны, прочно овладевшие сознанием русской либеральной интеллигенции. Составленный им текст коллективного протеста против «зверств немецкой армии» подтверждает это с достаточной очевидностью. Однако крайности шовинистической позиции Андреева или Сологуба были ему чужды. В статьях для печати и тем более в своем творчестве Бунин избегал воинственной риторики, широко эксплуатировавшейся в стихах и прозе того времени.

В начале 1915 г. было предпринято издание коллективного сборника «Щит», направленного против антисемитизма и в защиту бедствующего населения, пострадавшего от военных действий. Сборник вышел под редакцией Андреева, Горького и Сологуба, при участии Бунина, Брюсова, Короленко, А. Толстого и других литераторов. Горький согласился участвовать в сборнике, так как считал, что издание книги преследует цели, которые стоят выше политических разногласий, разделявших его со многими участниками и двумя другими соредакторами сборника. С просьбой поддержать это начинание Горький обратился к Бунину¹⁴².

Бунин отобрал для сборника «Щит» небольшой цикл стихотворений на библейские темы — «День гнева», «Тора», «Гробница Рахили», «Столп огненный» и др. Царящую в мире вражду между людьми, взаимное презрение, национальную нетерпимость Бунин отвергает, исходя из норм общечеловеческой нравственности, независимо от того, к какому религиозному первоисточнику — Библии или Корану — восходят ее заветы. Бунинские стихи вовсе не раздвинуты с общим кругом вопросов, активно обсуждавшихся и в публицистике, и в литературе. Но они переводят злободневную проблематику на язык «ветхозаветных» образов, предлагая тем самым как бы заново находить актуальный нравственно-философский смысл в вечных притчах, созданных религиозно-поэтическим сознанием человечества.

В трудных условиях начавшейся мировой войны Горький и Бунин еще ощущали друг друга союзниками по литературному делу. В числе других они поставили свои

подписи под коллективным «Ответом русских писателей английским собратьям», в котором выражалась надежда, что содружество между народами не кончится на поле битвы, а претворится в духовное единение на почве общей работы человеческого духа¹⁴³. Для Горького эта надежда не осталась отвлеченно-нацифистой мечтой. В своем журнале «Летопись» он встал на путь практического осуществления интернационалистской антивоенной программы. Бунин с готовностью поддержал новое горьковское начинание: «Дорогой Алексей Максимович, получил ваше письмо относительно „Летописи“. Доброе дело, желаю удачи, благодарю за приглашение, с удовольствием буду, если бог даст, сотрудничать. *На декабрь стихов и рассказ можно дать*. Черкните словечко, когда именно нужно выслать. Очень рад, что кончили вторую часть „Детства“. Обнимаю вас и считаю за вами могарыч»¹⁴⁴. У Горького и Бунина был уже более чем пятнадцатилетний опыт тесного сотрудничества в одних и тех же изданиях. Совместная работа в «Летописи» продолжала этот опыт дальше в крайне сложных исторических условиях.

На общественно-политическую программу «Летописи» серьезное влияние оказали идеи международной социалистической конференции в Циммервальде, где Ленину и его сторонникам удалось провести «ряд основных мыслей революционного марксизма»¹⁴⁵. Разумеется, в условиях жесточайшей цензуры военного времени эти идеи могли проводиться через печать лишь в опосредствованной форме. К тому же противоречивые комбинации политических мнений, которые излагались в «Летописи» некоторыми сотрудниками — Сухановым, Богдановым, Базаровым, Мартовым и др., — мешали выдержанности основного направления, принятого журналом. Ленин в письмах критиковал ошибочные взгляды ряда сотрудников «Летописи», однако считал возможным свое авторское участие в этом журнале. Общая ориентация «Летописи» на интернационалистскую программу Циммервальда, направленную против войны и социал-шовинизма, не подлежит сомнению. Именно этот факт предопределил большой общественный успех «Летописи», сопутствовавший журналу в первый год его издания.

Особое место в антивоенной публицистике «Летописи» заняли выступления Горького. Начало было положено его статьей «Две души», напечатанной в первой, декабрьской книжке журнала за 1915 г. Главный пафос статьи заключался в развенчании великорусского шовинизма и всего того, что Горький называл «азиатскими наслонениями в нашей психике». «Оговорюсь, — противопоставляя Восток Западу, я отнюдь не думаю о каких-либо „метафизических сущностях“ или о „расовых особенностях“, которые якобы органически и неискоренимо свойственны монголу, арийцу, семиту и навеки будут враждебно разделять их, — писал Горький. — (...) Я противопоставляю два различных мироощущения, два навыка мысли, две души»¹⁴⁶. В теоретическом отношении общая схема горьковского противопоставления оставалась достаточно уязвимой, некоторые выводы о слабых сторонах национального характера — слишком резкими, на что справедливо указывают современные исследователи публицистики Горького¹⁴⁷.

Нечеткость исходной постановки вопроса о «русской душе» в более ранних статьях Горького дала основание Ленину сделать существенную поправку: «...только не „русскую“ надо бы говорить, а *мещанскую*, ибо еврейская, итальянская, английская — все один черт, везде паршивое мещанство одинаково гнусно...»¹⁴⁸

В трактовке национального характера и национальной психологии Ленин считал необходимым при всех обстоятельствах сохранять социально-исторический и классовый подход. В статье «Две души» эти понятия оказались размытыми, что, несомненно, помогло националистически настроенным оппонентам Горького усилить против него клеветническую кампанию. Либеральные шовинисты (Изгоев, Струве, Булгаков и пр.) обвиняли Горького в «поношении отечества», «клевете» на русский народ и т. д., а черносотенцы прямо писали о «подрыве» и «измене», свивших себе гнездо в горьковской «Летописи».

Критически оценивая статью «Две души», нельзя, разумеется, перечеркивать ее так, как это делали публицисты «правого» либерально-охранительного и черносотенного лагеря. Нельзя также ограничиться простым указанием на ошибки и преувеличения Горького, изымая ее из конкретного контекста политической и философской поле-

мики тех лет. Смирение перед властью, пассивность, неорганизованность народных масс, оказавшихся неспособными в период демократического подъема 1860-х годов подняться на всеобщее восстание и сокрушить самодержавие и помещичий строй, заставили Чернышевского сказать: «Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Ленин, как известно, назвал эти гневные и горькие слова «словами настоящей любви к родине» и разъяснил в статье «О национальной гордости великороссов» (1914), какое реальное историческое содержание скрывается за ними. И сделано это было почти в то самое время, когда писалась статья «Две души». Полемические заострения Горького были продиктованы не меньшей болью за судьбу нации, не меньшей любовью к своему народу, чем слова Чернышевского, и эти конкретные мотивы должны быть раскрыты.

Для Бунина мысли Горького, изложенные в статье «Две души», не были новостью. Об «азиатских наслонениях» в национальной психике Бунин-художник в свое время писал не менее резко, чем Горький-публицист во время войны. Автор «Деревни» и «Суходола» рассматривал эту проблему прежде всего с точки зрения негативного исторического опыта, накопленного веками «восточной неподвижности» русского патриархального быта. В статье «Две души» Бунин уловил отзвук хорошо знакомых ему идей. Он и подтвердил это в интервью, отвечая на вопрос корреспондента о выступлении Горького: «На мой взгляд, Горький не сказал ничего особенно резкого, ничего обидного и ничего такого, что прежде не говорилось. Горький призывал к активности, сказал, что у нас много этой восточной инертности. Будем деятельны... Что тут оскорбительного для русского народа? Или враждебного? Из обидевшихся литераторов некоторые наговорили многое, не относящееся к делу»¹⁴⁹.

С первых месяцев войны Бунин вступил в полосу тяжелого духовного кризиса, который все более обострялся. 10 октября 1915 г. в ответ на просьбу Горького прислать что-нибудь для сборника, Бунин признался: «Видит бог, как я хотел бы дать вам что-либо. Но такого года я и не запомню — не запомню такого тяжелого душевного состояния, в котором я уже давно нахожусь. Писать я почти ничего не писал»¹⁵⁰. Тесно связанный с деревней, где он по-прежнему проводил значительную часть года, Бунин воочию видел катастрофические последствия войны: подорванное вконец хозяйство, обезлюдившие избы, осиротевших детей и солдаток, горе и уныние почти в каждой крестьянской семье. Патриархальная русская деревня агонизировала. Надвигающаяся экономическая катастрофа грозила не только мужику. Захудалые мелкопоместные усадьбы и хутора, давно уже приговоренные к экономической гибели, все более ветшали, пускались с молотка, становясь добычей деревенских кулаков-толстосумов.

Более четверти века наблюдал Бунин неумолимый процесс гибели своего сословия. Теперь он стал свидетелем его конца. Трагично для Бунина положение не только дворянской усадьбы, мужицкой деревни, но и России, и всего захлебнувшегося кровью мира, — вот в чем источник его всеобъемлющего пессимизма и душевной подавленности в это время.

Свой знаменитый, задуманный еще на Капри рассказ «Господин из Сан-Франциско», в котором пророчится гибель современной цивилизации, Бунин написал через год после начала мировой войны, дав выход угнетавшему его чувству неоправимой исторической катастрофы. В дневниковых записях 1915 г. Бунин коротко отметил: «14—19 августа писал рассказ „Господин из Сан-Франциско“. Плакал, пища конец...»¹⁵¹

После этого рассказа, окончательно отделанного в октябре 1915 г., казалось, что как прозякал он достиг наивысшей точки в своем развитии. Чтоб удержаться на этой высоте, нужны были новые впечатления, новый круг идей.

В первый год войны Бунин писал много стихов. В начале ноября 1915 г. он послал Горькому полтора десятка стихотворений, из которых Горький отобрал шесть: «Слово», «Поэту», «Шестикрылый», «Засуха в раю», «Аленушка», «Скоморохи». Стихотворение «Слово» открывало первую книжку «Летописи». Не только по содержанию, но и по заглавному месту оно воспринималось как общая литературная декларация нового журнала¹⁵².

БУНИН

Фотография, 1910-е годы
Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

Бунин более чем кто-либо из современных поэтов имел основание напомнить о великих ценностях мировой культуры, доставшихся человечеству от предков. Связь с тысячелетней традицией, закреплённой в древних «Письменах», он ощущал необыкновенно живо и не раз черпал в ней мотивы своей поэзии. Бунин прекрасно знал культуру древнего Египта, Востока и других более ранних человеческих цивилизаций. Образы восточной поэзии были для Бунина столь же естественны, как и поэзии славянской, национально-русской. Его стихотворение «Поэту» утверждает глубину, первоизданность, зоркость взгляда как неотъемлемое достояние поэзии. Бунин никогда не считал поэзию легким делом. Поэт должен искать истину, как «алмаз, оброненный в ночи», не жалея ни времени, ни трудов на поиски. Бунинский призыв беречь «наш дар бессмертный — речь» продолжал тему знаменитого тургеневского стихотворения в прозе «Русский язык». Обращение к великим культурным традициям, общечеловеческим и национальным, звучало особенно своевременно «в дни злобы и страдания», когда вековые ценности, созданные народами, предавались безжалостному разрушению и поруганию. Этой своей устремленностью, пафосом защиты мировой культуры, утверждением негнущести настоящей поэзии Бунин полностью отвечал общей литературно-художественной программе «Летописи», которую Горький последовательно проводил в своем журнале.

В поэзии Бунина первых лет войны особое место занимала национально-русская, славянская тема — фольклорная и историческая. На эту тему написана большая часть бунинских стихов, опубликованных в «Летописи». Среди новых стихотворений, посланных в «Летопись» в январе 1916 г., были «Молодой король», «Святитель», «Песня» («Мне вечер, молодой, скучен терем был»), «Святой Прокопий», «Князь Всеслав», «Святогор и Илья», «Райское древо» («Искушение»), «Псалтирь» и другие. Общая черта всего цикла — близость к народно-поэтическим мотивам, вариации на темы славянской истории и народных преданий. Но под исторической, фольклорной, а порою религиозной формой этих стихов таилось вполне современное содержание.

В стихотворении «Святогор и Илья» переосмыслены традиционные образы русских былин. Стихотворение говорит о тщетности усилий разрешить трагические проблемы национальной жизни с помощью меча. Меч «не делает дела, а губит», он только отда-

ляет освобождение Святогора, кладет новые железные скрепы, обрекая его на вечную неволю. Логика вещей заставляет богатыря отказаться от применения силы:

Кинул биться Илья — божья воля!
Едет прочь вдоль широкого поля,
Утирает слезу... Отняла
Русской силы Земля половину:
Выезжай на иную путину,
На иные дела!

(1,386)

Интерес к национально-исторической теме отвечал не только устойчивым склонностям самого Бунина, но и общим устремлениям русской поэзии той поры. Судьба России как национального целого волновала многих. Высказывались самые разные суждения о ее исторической роли в прошлом, о ее мировом предназначении в настоящем и будущем. К самодержавно-православным идеям «великой» и «святой» Руси Бунин относился скептически. Как поэт, он не останавливался перед прямым осуждением войны, отрицанием грубой силы и завоевательных устремлений.

В августе 1916 г. Бунин послал Горькому для «Летописи» три стихотворения — «Бегство в Египет», «Архистратиг» и «Орда». Все три Горький назвал «великолепными». «Архистратиг» должен был появиться в сентябрьской книжке журнала, однако цензура запретила стихотворение (оно появилось затем в сборнике «Господин из Сан-Франциско» под названием «Фреска»). Изображенный на древней фреске архангел Михаил — архистратиг, воитель, «весь в стали и крылат», долгие годы оставался дивным украшением глухого церковного прихода.

Кто знал его? Но вот, совсем недавно,
Открыт и он, по прихоти тщеславной
Столичных мод, — в журнале дорогом
Изображен на диво, и о нем
Теперь толкуют мистики, эстеты,
Богоискатели, девицы и поэты.
Их сытые, болтливые уста
Пророчат Руси быть архистратигом,
Кошунствуют о рубище Христа
И умиляются — по книгам, —
Как Русь смиренна и проста¹⁵³.

Бунин менее всего желал видеть Русь в роли архистратига-завоевателя. Его позиция по отношению к войне становилась все более определенно отрицательной.

В октябрьской книжке «Летописи» 1916 г. впервые увидело свет стихотворение «Орда» («В Орде») — одно из лучших произведений Бунина-поэта. Оно обращено к матери Великого Могола, вскормившей будущего грозного завоевателя. То обстоятельство, что эпизод, воссозданный поэтом, отстоит на много веков от нынешнего дня, не служит для него препятствием. Прошлое заново пережито, оно воспринято в формах, поражающих своей живописной конкретностью. Дар творческого воображения позволяет и сквозь века угадывать подлинные краски живой действительности. Мысль стихотворения основана на своего рода «обратной связи» понятий. Если современники проявляют такую же воинственность, как вожди гуннов и повелители татарских орд, если они «не смиреннее их», то поэту, остается отбросив заветы Христа, восславить Великого Могола, их необузданного и страшного предшественника:

Ты знала ли, Мать, что и я
Восславлю его, — что не надо мне рая,
Христа, Галилея и лилий ее полевых,
Что я не смиреннее их, —
Атиллы, Тимура, Мамаю,

Что я их достоин, когда
 Наскучив таиться за ложью,
 Рву древнюю хартию божью,
 Насилую, режу, и граблю, и жгу города?

(1,405)

Горький высоко ценил постоянное сотрудничество Бунина в журнале и с неизменным восхищением отзывался почти о каждой его новой вещи. «Вы только знайте,— писал он Бунину 24 февраля 1916 г.,— что ваши стихи, ваша проза,— для „Летописи“ и для меня — праздник. Это не пустое слово. Я вас люблю — не смейтесь, пожалуйста. Я люблю читать ваши вещи, думать и говорить о вас. В моей очень суетной и очень тяжелой жизни вы — может быть, и даже наверное — самое лучшее, самое значительное. Знали бы вы, с каким трепетом читал я „Человека из Сан-Франциско“, с каким восторгом вот эти стихи. Ведь вы для меня великий поэт, первый поэт наших дней»¹⁵⁴.

В течение 1916 г. стихотворения Бунина публиковались из номера в номер в каждой книжке «Летописи» (за исключением последних двух). Ни один другой поэт не печатался в горьковском журнале так регулярно. Всего за год в «Летописи» было опубликовано около тридцати бунинских стихотворений, и Горький имел все основания считать их подлинным украшением журнала.

В марте 1916 г. Бунин послал Горькому небольшой рассказ «Казимир Станиславович» (он был напечатан в майской книжке «Летописи»). Главный герой его — «темная личность» (так рассказ назывался в черновой рукописи), человек измощенный, опустившийся, готовящийся к самоубийству и неспособный на этот последний шаг. Здесь Бунин только приступал к анализу внутренней опустошенности личности. Об этом он с большой силой напишет затем в рассказах «Соотечественник», «Петлистые уши», «Сны Чанга». Обостренное внимание к сумеречным состояниям человеческого духа, настойчивое повторение мотивов тоски, неудовлетворенности жизнью служат первым косвенным симптомом начавшегося духовного кризиса, пережитого самим Буниным на исходе мировой войны. В его творчестве этой поры усиливаются религиозные мотивы, все настойчивее звучат ноты усталости, ожидания смерти. Таково стихотворение «Княжна» («Богом разлученные»), от публикации которого в «Летописи» Горький воздержался, возвратив его автору.

Сходная тема — «подвиг скромного обета» — развита в рассказе Бунина «Аглая», опубликованном в октябрьской книжке «Летописи» 1916 г. Рассказ Бунина стилизован под страннические истории об угодных богу людях, кротких страстотерпцах, готовых на подвиг отречения от земной жизни. На просьбу автора сообщить впечатление от «Аглаи» Горький ответил сдержанно, хотя и на этот раз отдал должное высокому мастерству Бунина-стилиста: «Тема „Аглаи“ — чужда мне,— писал Горький Бунину 29 августа 1916 г., — но вы написали эту вещь, точно старый мастер икону,— удивительно четко! В конце мне слышится некоторый рационализм и он, как будто, чуть-чуть мешает целостности впечатления. А вообще,— что же говорить? Вы для меня — первейший мастер в современной литературе русской,— это не пустое слово, не лесть, вы знаете»¹⁵⁵.

В 1916 г. по свежим впечатлениям, вынесенным из деревни, Бунин написал два рассказа — «Последняя весна» и «Последняя осень». Объединяет их одна общая тема: как русский мужик относится к войне. Бунин фиксирует все оттенки — от безразличия, равнодушия до полного и страстного отрицания. Последнее явно преобладает в крестьянской массе. Надо отдать должное Бунину — он сумел почувствовать глубину недовольства, зреющего «внизу», предсказал обострение аграрного кризиса, сыгравшего затем в революции огромную роль. Недаром в «Последней весне» диалог завершает «кто-то», готовый добраться до самого царя, чтобы посчитаться с ним: «Погоди, и до царя дойдут. Что ж он весь народ на эту войну обобрал? Вон опять надо в Красную Горку рекрутов отправлять. Разве это дело? Вся Россия опустела, затихла!» (4, 431).

За этим резким голосом из темноты в рассказе остается последнее слово. Эта угроза — конечный итог, вывод из анализа реальной ситуации, сложившейся в русской

деревне перед февралем 1917 г. Объективный смысл рассказа имел тем большее значение, что идеи крестьянского революционного демократизма были Бунину совершенно чужды. Он страшился их, хотя и признавал их силу.

Слова «злой», «злбный» всего чаще повторяются среди бунинских эпитетов, характеризующих настроения мужика. Эти настроения тревожат Бунина своей скрытой угрозой, вызывают его на мрачные мысли. Каждый штрих рассказа говорит о пропасти непонимания, усилении чувства вражды, которые все больше разделяют деревню барскую и деревню мужицкую. Мужик Петр Архипов в рассказе «Последняя осень» довольно точно объясняет причины этой усилившейся в дни войны розни: «Вам хорошо говорить. А у меня вон сын два месяца ни одного письма. Где он теперь, что он теперь? Мертвое тело? А потом, как перебьют всех, вы что же будете делать? Приедете, конечно, к царю и скажете: „Погляди, государь, где твоя держава теперь? Нету тебе ничего, все чисто, одно гладкое поле!“» (4, 436).

Голос сословного чувства подсказывал Бунину определенные возражения. К классовой ненависти, разгоравшейся в душе мужика, он относился с явной неприязнью. Не хотел он принять и тех обвинений, которые Петр Архипов предъявил барину, навестившему его. Петр Архипов и сам несколько смутился, — но он, простой мужик, имел все основания для своих резких слов. Некоторая неточность его обвинительной речи заключалась лишь в том, что он предъявил конкретному лицу то обвинение, которое следовало адресовать всему правящему классу. В историческом смысле мужик был совершенно прав, и Бунин-художник не мог уклониться от этой истины, как ни угрожала она его собственному сословию. Реализм Бунина еще брал верх над его дворянскими предрассудками. Бунин отчетливо сознавал, что «война все изменила». «Во мне что-то треснуло, переломилось, — говорил он Н. А. Пушешникову, — наступила, как говорят, переоценка всех ценностей. И как подумаешь, что жизнь прошла, что еще несколько лет — и будешь где-нибудь лежать на Ваганьковском... Литераторские мостки. И ничего не сделал! Это ужасно»¹⁵⁶.

В конце 1916 г. был написан один из самых мрачных рассказов Бунина «Петлистые уши», в котором прорвались мучительнейшие мысли и настроения, одолевавшие его в то время. «Петлистые уши» — городской, точнее «петербургский» рассказ, своего рода эпилог классической темы русской литературы, восходящей к «Невскому проспекту» Гоголя, к «Преступлению и наказанию» Достоевского. Тень Достоевского витает над этим бунинским рассказом. Одно из его первоначальных заглавий — «Без наказания» — прямо обнажает смысл и адрес полемики. Заглавие Бунин изменил, зато яростно-poleмический тон усилил. В отличие от Раскольникова Соколович совершает убийство вполне хладнокровно, уверенно, не испытывая никаких колебаний духа и терзаний совести. Причем его преступление так же логически обдумано, теоретически обосновано, как и роковой шаг героя Достоевского. Истоки и предпосылки этой философии «убийства по убеждению» Бунин возводит к двум началам: наследственному и историческому. В черновой рукописи рассказа Соколович сам излагает свою генеалогию, подробно описывает типично карамазовские условия жизни выродившейся дворянской семьи, из которой он вышел. Бунин затем отбросил эту историю семейства Соколовича, и главное место в рассказе заняла историческая мотивировка «преступления без наказания». Появление человеческого типа, подобного Соколовичу, Бунин связывает с извращенностью исторического бытия человечества, все глубже погружающегося в пучину пролитой им крови. Соколович вышагивает своей тяжелой походкой по Невскому, по Петербургу, когда в войнах участвуют «уже десятки миллионов», когда Европа становится «сплошным царством убийц».

Накануне революции Бунина одолевали мрачные настроения. Он улавливал грозные колебания исторической почвы, сотрясавшие все здание Российской империи снизу доверху, от нищей деревни до великолепного Петербурга. Петербург последней предреволюционной зимы, открывающийся взору бунинского героя, кажется прозрачным, фантастическим городом, в котором все человеческое искажено, обречено на гибель. Для личной человеческой морали не остается места, когда расстреляна и растоптана мораль всего человечества, — вот парадокс, который Бунин последовательно реализует в злобещем сюжете «Петлистых ушей».

Рассказ этот воспринимался современниками как резкий антивоенный памфлет, как проклятье всему роду людскому, шагнувшему неизмеримо дальше Каина, впервые убившего. Проклиная всякое кровопролитие, Бунин оставался на точке зрения христианской заповеди «не убий», хотя, по желчному замечанию его героя, «в библии слово „убил“ употреблено более тысячи раз и по большей части с величайшей похвалой и благодарностью творцу за содеянное». Логика рассказа равно отрицает и преступления, и казни, и родовую месть, и войны, и революции, и Робеспьеров, и Джеков-Потрошителей, независимо от конкретных различий между противоположными историческими и социальными формами насилия. Пока мировая война была в самом разгаре, бунинская критика сливалась с антивоенной демократической проповедью, подрывавшей шовинистическую идеологию и мораль. Зато, когда разразилась революция, когда народы вынуждены были объявить «войну войне» и ответить на насилие правящих классов революционным насилием, сразу же обнажилась реакционно-утопическая сторона бунинских взглядов, их исторический консерватизм.

7

Настроения Горького накануне 1917 г. были безрадостными. Положение страны ухудшалось с каждым днем. Полное банкротство правящей самодержавно-бюрократической верхушки стало фактом, однако силы, способные снести ее, не пришли еще в движение. «Распутинщина», подобно трупному яду, отравляла политическую жизнь столицы. Россия переживала величайшую национальную трагедию, а ее правители в это время разыгрывали постыдный и непристойный фарс.

Горький был глубоко озабочен судьбой своего журнала, общими перспективами политического развития страны. 29 августа 1916 г. он писал Бунину: «Дорогой Иван Алексеевич, — нам пора составлять плакат о подписке на „Летопись“ в 17-м году. Необходимо знать — что вы дадите нам, чтобы мы могли назвать вашу вещь или вещи ваши. Лучше — вещи! Думаете ли вы писать повесть? Очень прошу — не оставляйте вниманием нашим, как вы это и делали в истекающем году. Хочется видеть вас, хочется много написать вам, но — мои впечатления — отвратительны, мысли — грустны. Я не люблю жаловаться и однако, порою, так тяжело жить, что даже чувствуешь физическое недомогание, точно отравленный.

Что же будет с нами, Русью?»¹⁵⁷

Февральская революция за несколько дней свалила груз, который Россия несла веками. С самодержавием было покончено, однако политический кризис в стране продолжался. Энтузиазм первых февральских дней еще не мог омрачить дружеских отношений Горького и Бунина. Исторический приговор, вынесенный русскому самодержавию, не вызывал тогда споров. Предметом спора становилось не прошлое, а будущее России.

Важнейшей задачей революции Горький считал немедленный подъем производительных и культурных сил страны. Он принял деятельное участие в работе многочисленных комиссий и комитетов, призванных содействовать развитию науки, образования, искусства и т. д. В число членов организационного комитета «Свободной ассоциации», наряду с виднейшими русскими учеными, были избраны Короленко, Горький и Бунин. В самом конце марта Горький известил об этом Бунина официальным письмом и пригласил его принять участие в публичном заседании ассоциации. Заседание должно было состояться 9 апреля в Михайловском театре. 2 апреля 1917 г.¹⁵⁸ Бунин был уже в Петрограде, виделся с Горьким. В письме к жене Бунин подтвердил: «В день приезда, то есть 2-го, был у Горького, прост, мил, спокоен»¹⁵⁹. Сохранился сборник публицистических статей Горького, изданный «Парусом», с дарственной надписью: «Любимому писателю и другу Ивану Алексеевичу Бунину. А. Пешков. 2-ое апреля 17 г. Светлое Христово воскресенье. Петроград» (см. настоящ. кн., стр. 59).

На следующий день Горький и Бунин принимали участие в банкете по случаю открытия выставки финского искусства. На банкете чествовали Галлена и других художников, представлявших финское искусство в России. Присутствовали официаль-

И. Бунин

ЧАША ЖИЗНИ

РАЗСКАЗЫ 1913—14 г.

*Алексю Максимовичу,
который никогда не присылает
мне своих книг.*

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
БУНИНА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ
«ЧАША ЖИЗНИ» (М., 1915):

«Алексю Максимовичу,
который никогда не присылает
мне своих книг»

Титульный лист

Музей А. М. Горького, Москва

ные лица, министры Временного правительства, посол Франции. С речами выступали Вера Фигнер, Горький и др.

Бунин оставался еще в Петрограде, когда из-за границы вернулся В. И. Ленин, восторженно встреченный многотысячными массами победившего народа. Знаменитая апрельская речь Ленина, произнесенная с балкона дворца Кшесинской, произвела тогда ошеломляющее впечатление на людей самых разных политических взглядов. Апрельские дни в революционном Петрограде несомненно ускорили кризис политического сознания Бунина. Тогда же, в апреле 1917 г., состоялась последняя личная встреча Бунина и Горького. Распрощались они, как старые товарищи, хотя все происходящее внутренне разделяло их, и чем дальше, тем больше. Через десять лет после революции Бунин подтвердил: «И расстались мы с ним дружески, — в Петербурге 17 г., — расцеловались на прощанье, — навсегда, как оказалось...»¹⁶⁰

Конец весны, лето и осень 1917 г. Бунин провел в деревне, Горький в это время целиком отдался политике, используя ежедневную трибуну газеты «Новая жизнь».

Объявив себя социал-демократической газетой, стоящей вне фактически существующих партий — большевиков и меньшевиков, — «Новая жизнь» была обречена на постоянные колебания между революционным и реформистским направлениями в рабочем движении. Претендуя на представительство от всей социал-демократии, газета «Новая жизнь» на деле осталась органом литературной группы, а не организованной партии, она выражала мнения той части социал-демократической интеллигенции, которая не имела прочных связей с массами и не представляла самостоятельной политической силы. Если в первые месяцы своего существования «Новая жизнь» тяготела скорее к большевикам, повторяя некоторые их интернационалистские лозунги и тактические установки, то затем, после корниловщины, она резко повернула в сторону меньшевизма, выступив против ленинского курса на вооруженное восстание. Эта общая эволюция «Новой жизни» проявилась и в публицистике Горького — в тех взглядах, которые он

публично отстаивал в газете. Ленин не раз критиковал Горького за бесхарактерность в политике, за то, что в сложных обстоятельствах политической борьбы он поддается «чувству и настроению».

Позиция Горького как публициста «Новой жизни» складывалась крайне противоречиво, причем груз этих противоречий, а со временем и прямых политических заблуждений, все более возрастал.

Еще во время пребывания в Петрограде Бунин дал согласие сотрудничать в «Новой жизни», и его имя регулярно повторялось в перечне постоянных сотрудников газеты. Однако то, что писал Горький на ее страницах, уже не могло вызвать ни согласия, ни поддержки с его стороны. Его отношение к происходящему окрашивалось теперь не «запальчивостью и раздражением», а неизмеримо более сильными эмоциями отрицательного свойства.

С весны 1917 г. на Орловщине начались первые крестьянские волнения. Слухи о пожарах, о поджогах достигали Глотова, где жил Бунин. 31 мая Бунин сообщал брату Юлию, что все работники усадьбы разошлись, остались только два пленных мадьяра. Послать на станцию с лошадьми некого — «никто не поедет, мужики не очень-то интересуются теперь деньгами»¹⁶¹. Движение поездов по железной дороге стало нерегулярным. Сообщение между станцией и деревней превратилось в проблему.

По свидетельству Н. А. Пущешникова, который добросовестно продолжал свои записи, в усадьбе ждали, что «вот-вот придут мужики и зажгут дом». Бунин в эти дни крайне резко оценивает политику Временного правительства, с уничтожающим сарказмом отзываясь о новых министрах — Ф. Ф. Кокошкине и в особенности В. М. Чернове, которого знал еще по каприйским встречам: «Считается знатоком земельного вопроса! Какая наглость. Ни уха ни рыла не понимать в экономических вопросах и сельском хозяйстве и залезть на пост министра земледелия! Что он может знать! Двенад-

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

И. А. БУНИНА

*Алексю Максимовичу —
от друга и почитателя.*

25

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

25

25. II. 1916.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
БУНИНА ГОРЬКОМУ НА ПЕРВОМ
ТОМЕ «ПОЛНОГО СОБРАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ» (Пг., 1915):

«Алексю Максимовичу —
от друга и почитателя. 25. II. 1916».

Титульный лист

Музей А. М. Горького, Москва

ИЗДАНИЕ Т-ва А. Ф. МАРКСЪ : ПЕТРОГРАДЪ

Полное собрание сочинений И. А. Бунина. Т. I. 1915 г.

цать лет в Италии прожил. В деревне за всю свою жизнь ни разу не был. Я уверен, что он пшеница от проса не отличит...»¹⁶²

К концу июля от надежд на сохранение деревенской тишины и спокойствия не осталось у Бунина и следа. «У нас, конечно, не Тмутаракань какая-нибудь, не столь глухо, как у вас,— сообщал Бунин А. Е. Грузинскому 25 июля 1917 г.,—хотя жить порою необыкновенно противно,—то слышишь, что убили кого-нибудь или били, да не добились и, не добив, вырыли могилу и закопали,— ей богу был и такой случай! —то наткнешься в саду на солдата, сидящего на груше, с треском ломающего сучья и <на> грустные увещания горничной говорящего: „молчи, стерва, ты, я вижу <...> старого режима...“, — но живем и мы помаленьку, употребляя, впрочем, чуть не половину этой жизни на газеты, от которых я порой чуть не плачу в ярости и кровной боли... Не написал я пока еще ни единой строки!»¹⁶³

Среди того немногого, что Бунин написал летом 1917 г., выделяется небольшая сценка «Брань». Собственно это короткий рассказ в форме диалога между кулаком-мироедом Лаврентием и бедным мужиком Сухоногим, знававшим еще времена крепостного права. Спор между ними затрагивает самую суть противоположных классовых интересов, столкнувшихся в деревне. Автор ни одним словом не комментирует диалог, он лишь точно воспроизводит голоса спорящих. Но хотя Бунин и держится как объективная «третья сторона», его глубочайшая заинтересованность в содержании и исходе спора не вызывает сомнений.

Лаврентий и Сухоногий бранятся главным образом из-за земли. Тут они никогда не смогут договориться. Для Лаврентия все его земли — «законно» приобретенные, купленные. Это его «священная» собственность. Отдавать ее без боя он не собирается. Сухоногий считает ту же землю «отнятой», взятой за бесценок, из-за нужды: «Да ты ее у меня отнял! Меня оголодил! Я ее, землю-то, кровью обиль!» (5, 9).

Сухоногий считает, что всем солдатам давно бы надо «ружья покидать да домой!» Лаврентий возражает, что «ружья нельзя кидать, беспорядок будет». Их отношение к войне, к новой государственности, возникшей на обломках монархии, так же противоположно, как и коренные земельные интересы.

Последнее слово в споре остается за Сухоногим. Простой мужик не хочет знать новых «хозяев», которые «оголодили» его, сгребли себе лучшие земли. И под новую «державу», продолжающую войну, он не пойдет ни за какие «золотые дворцы». В этом Бунин мог убедиться еще накануне Октябрьской революции. Но авторское сочувствие Сухоногому было безусловным. Оно ограничивалось вполне определенным сословным чувством. Бунин склонялся на сторону Сухоногих лишь до тех пор, пока те бранились с ненавистными ему захребетниками Лаврентиями, выживавшими старых бар из их захудалых имений.

Реальный русский мужик готов был в любую минуту переменить фронт. Бунинский Сухоногий этого не делает. Его ненависть к живодеру Лаврентию соединяется с некоторыми сожалениями о давнишнем патриархальном укладе. Если он за что-нибудь и попрекает своих старых господ, то лишь за то, что они промотали не только свои имения, но и дворянскую честь. «Мы присягали на верность службы, а дворяне на верность подданства, а теперь где они? С Ванькой сидят, хвостом ему виляют! Ну, разорился, ну, имение свое прожил, а все-таки честь свою держи, алебарду не опускай! Тебя господа костылями не могли бить, ты по своим летам в крепости не жил, а я жил, знаю! Тебя, такого-то, будь ты хоть бурмистром, нельзя было не бить, ты слов не слушал, ты господина всегда норовил обокрасть, а меня господа пальцем не трогали!» (5, 11). Когда Сухоногий бранится с Лаврентием, в его словах пышет ненависть всего крестьянства к своим угнетателям; когда он оплакивает разорившихся господ, в нем говорит лишь голос послушного, добровольного холопа, то есть нечто исчезающее, исторически отжившее свой век.

Глубина классовых противоречий в деревне не исчерпывалась антагонизмом безземельного мужика и кулака-мироеда, отраженным в бунинской «Брани». Обездоленное крестьянство поднималось против всей старой системы помещичьего землеустройства, сохранившегося в России до самой Октябрьской революции. В отличие от Сухоногого, русский мужик не имел никаких оснований относиться к наследственной

помещичьей земле иначе, чем к скупленной, награбленной земле «чумазых», вроде Лаврентия. И та, и другая была облита мужицкой кровью и потом. Наступал час общего исторического возмездия, час низвержения всех «хозяев», и новых, и старых. Для Бунина этот час означал полную катастрофу, личную и социальную, и он мог встретить его лишь проклятиями.

Если Горький, оставаясь в Петрограде, находился в самом эпицентре политической бури и имел возможность непосредственно наблюдать за всем ходом революции, то Бунин следил за событиями 1917 г. из глубины деревенской России, где как раз и возникали наиболее угрожающие симптомы надвигающегося общественного циклона. И Горький, и Бунин рассматривали создавшееся положение без иллюзий, однако, их оценки исторической ситуации становились все более полярными.

Последнее практическое дело, которое связывало Бунина с Горьким, касалось судьбы полного собрания бунинских сочинений в издательстве «Парус». Первые объявления об этом появились в печати еще весной 1917 г. Для начала «Парус» предполагал выпустить полные собрания сочинений Бунина и Брюсова. Выбор этих имен достаточно показателен. Бунин и Брюсов для Горького оставались наиболее значительными фигурами современной прозы и поэзии, им было отдано предпочтение в издательских планах «Паруса».

Соглашение Бунина с «Парусом» об издании нового собрания сочинений состоялось в первой половине 1917 г. 28 июня в письме к З. И. Гржебину, ведавшему делами издательства, Бунин составил точный план распределения стихов и прозы по томам. Всего их намечалось десять. По своей полноте новое собрание сочинений должно было превосходить марксовское издание 1915 г. К концу июня Бунин переправил Гржебину материалы для шести томов. «Не посылаю пока остальных четырех,— сообщил он 28 июня 1917 г.,— во-первых, потому, что некуда спешить, что у вас теперь много материала, к набору которого вы, вероятно, еще и не приступали...»¹⁶⁴ Начать выпуск своих сочинений Бунин предлагал с тех томов, куда входили «Деревня» и «Господин из Сан-Франциско» (по его плану тома шестой и десятый), поскольку этих книг уже не было на складе «Книгоиздательства писателей в Москве», где он издавался прежде.

Не в добрый час приступил Бунин к изданию своих книг. Книжное дело в Петрограде и в Москве разваливалось. Не хватало самых необходимых материалов, прежде всего бумаги; цены росли, типографии работали со все более угрожающими перебоями.

Летом 1917 г. Горький предложил Бунину составить жизнеописание библейского пророка Моисея (с этим предложением он перед тем обращался к Брюсову) и перевести прозой байроновского «Дон-Жуана» — давняя идея, обсуждавшаяся Буниным и Горьким в «знаниевские» времена. Бунин ответил сухо, с плохо скрытой обидой: «Кстати о „Парусе“. Что же это он делает со мной? Даже на письма мои ни звуком не откликается! Это ставит меня положительно в тупик. Живу и я скверно. Чуть не весь день уходит на газеты, которых я получаю штук тысячу. И ото всего того, что я узнаю из них и вижу вокруг, ум за разом заходит, хотя только сбывается и подтверждается то, что я уже давно мыслил о святой Руси»¹⁶⁵.

Бунинское письмо, помеченное 10 августа, не застало Горького в Петрограде. В этот день Горький уехал в Крым, где оставался до конца сентября 1917 г. Вопросы Бунина опять остались без ответа. На обратном пути из Крыма Горький две недели пробыл в Москве. Письмо Бунина он прочел только после возвращения из поездки (на письме сохранились пометки его рукой), но даже при самом лучшем отношении к автору «Парус» не мог сделать больше, чем было в его силах.

Сохранилась тетрадь Бунина с дневниковыми записями, охватывающими в основном осенние месяцы 1917 г. (с августа по ноябрь). Пролежавшая под спудом более сорока лет, тетрадь эта попала в коллекцию Н. П. Смирнова-Сокольского, а после его кончины была опубликована в извлечениях и выдержках¹⁶⁶. Этот документ подтверждает, насколько тяжким был духовный кризис Бунина в то время.

После многомесячного запойного чтения газет Бунин почувствовал себя как бы отравленным политикой. Он утратил способность воспринимать связь событий. Политические записи в его дневнике становятся все более редкими, обрывочными и растерян-

ными, хотя в некоторых случаях им нельзя отказать в меткости. Керенский для него — «одна из самых вредных фигур». «Опять хвастливое красноречие, „я“, „я“, и опять направо и налево. Этого совместить, вероятно, нельзя», — заключал Бунин.

13 октября Бунин отметил в дневнике полнейшее равнодушие деревни к выборам в Учредительное собрание, на которое возлагали так много надежд все буржуазные партии, не исключая меньшевиков и эсеров: «Вот-вот выборы в Учредительное собрание. У нас ни единая душа не интересуется этим. Русский народ взывает к богу только в горе великом. Сейчас счастлив — где эта религиозность?» Наблюдая за происходящим, Бунин помимо воли вынужден был признать, что народ «счастлив» в бурные дни 1917 г. Для него самого, однако, это был чужой праздник, чужой пир, и похмелье этих дней казалось ему невыносимым. За неделю до Октябрьской революции в дневнике Бунина появилась краткая запись: «Про политику и не пишу. Изболел...»

Что же составляло содержание его жизни в это время? Бунин сам задавался этим нелегким вопросом: «Чем я живу? Все вспоминаю, вспоминаю...» Кроме воспоминаний, Бунину оставались еще наблюдения за природой и чтение книг. То и другое служило ему своего рода убежищем, где он пытался укрыться от мучительных переживаний, связанных с современной историей и политикой.

С первых чисел августа и до конца октября 1917 г. Бунин изо дня в день ведет тончайшие фенологические наблюдения за небом, землей, старым садом, отдельными деревьями, жнивьями, всей окружающей его природой. Как прирожденный живописец, Бунин не устает смотреть и восхищаться. Он пробует разные краски, меняет тона, освещение, перспективу, добиваясь предельной выразительности рисунка, цветовой гаммы и колорита. «И все мука, мука, что не могу выразить, нарисовать», — сокрушался он, сравнивая вид живья и пашни с картиной французского художника-импрессиониста.

Пейзажные наброски, заполняющие страницы дневника Бунина, — это не только дань многолетней привычке разрабатывать свои впечатления в слове. Лишь наедине с природой он по-настоящему отдыхал душой в эти дни. Он тянулся к ней, как больной к целительному источнику. Безмятежный покой русской осени на какие-то минуты возвращал ему утраченное ощущение счастья. Изумительное описание полночного неба, помеченное 7 октября, Бунин кончил словами: «О, какая тишина всюду, когда я ходил! Точно весь мир перевел дыхание, и только звезды мерцают, тоже затаив дыхание». И чем сильнее были громовые удары революционной истории 1917 г., от которых у Бунина, по его собственным словам, заходил «ум за разум», тем прекраснее казалась ему божественная тишина ясной октябрьской ночи в деревне.

Счастлив, кто посетил сей мир

В его минуты роковые...

Эти вещицы тютчевские слова напомнил Александр Блок в статье «Интеллигенция и революция», где он утверждал, что дело художника — «слушать ту музыку, которой гремит „разорванный ветром воздух“ (<...> „Мир и братство народов“ — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать»¹⁶⁷.

Если поэтический слух Блока отчетливо различал шум крушения старого мира и «музыку революции», то для Бунина поэзия сохранялась лишь в том, что лежало за чертой социальных и исторических потрясений. Он отверг то, что свершалось в мире в его «минуты роковые». И как поэт, Бунин в эти минуты менее всего был «счастлив». Ни уединенные прогулки по окрестностям, ни чтение книг (Бунин перечитал их за осень целые груды) не приносили успокоения. Желанное вдохновение покинуло его. В записях Бунина прорываются ноты глубокой неудовлетворенности собой: «Отупел я, обездарел, как живу, чем живу? Позор!»

Оставаться далее в деревне, в глухой изоляции от происходящего Бунин не мог, да и время шло к зиме. В конце октября 1917 г. он вместе с женой выехал в Москву. Как и двенадцать лет назад, в дни декабрьского восстания 1905 г., в Москве шли вооруженные столкновения. Но на этот раз роли переменились. Если тогда правительственные войска расстреливали из пушек революционные баррикады, то теперь революцион-

ные отряды громили очаги сопротивления войск низложенного Временного правительства.

После первых декретов Октябрьской революции Бунин узнал «шеломляющую» новость: «Ленин сместил Духонина и назначил главнокомандующим Крыленко. Он всего-навсего прапорщик». 21 ноября Бунин вписывает в тетрадь тоскливые строки: «12 часов ночи. Сажу один — слегка пьян. Вино возвращает мне смелость, мудрость, чувственность, ощущение запахов и прочее. Это не так просто, в этом какая-то суть темного существования. Передо мною бутылка 24 удельного. Печать, государственный герб. Была Россия. Где она теперь? О боже, боже...»

До конца ноября Бунин ничего не знал о судьбе своего злосчастного собрания сочинений. К концу 1917 г. «Парус» издал десятый том («Произведения 1915—1916 гг. Стихотворения») и приступил к набору девятого тома. Руководители издательства Горький и А. Н. Тихонов не теряли надежды выпустить литературный альманах «Паруса» и ждали новых бунинских вещей. Обо всем этом Бунин узнал из письма Тихонова от 8 декабря 1917 г. Ответил Бунин 28 декабря большим деловым письмом, за которым чувствуется нескрываемое озлобление по поводу всего происходящего: «Многоуважаемый Александр Николаевич, для альманаха „Парус“ сейчас, к сожалению, ничего не могу дать, кроме стихов, — я ничего не писал ни летом, ни осенью, у меня вся голова посерела от свободы, равенства и братства. Стихи, если угодно, могу выслать немедленно, напишите, сколько вам надо строк. Цена — 10 р. строка (...). О том, что мой X т. уже напечатан и IX печатается, я узнал только из вашего письма от 8 декабря и известием этим не мог быть очень обрадован: согласитесь, что напечатать за 6 месяцев одну книгу, давши обязательство, „выпустить к 31 декабря 1917 г. все собрание сочинений“, т. е. 10 книг, — очень немного, а не дать автору ни одной корректуры, не дать ему даже глазком взглянуть на эту книгу — изумительно»¹⁶⁸.

Изданный десятый том (на обложке помечен 1918 г.) оказался единственным из всего собрания сочинений Бунина, не ко времени затеянного «Парусом». Недобрые чувства Бунина по отношению к Тихонову и Горькому далеко не исчерпывались крайним раздражением по поводу испорченного собрания сочинений. К техническим погрешностям издания Горький был совершенно не причастен: в условиях разрухи «Парус» доживал последние дни.

В самом конце 1917 г. по приезде в Москву Горький остановился у Е. П. Пешковой, и она сообщила Бунину по телефону: «Алексей Максимович хочет поговорить с вами». «Я ответил, — пишет в своих воспоминаниях Бунин, — что говорить нам теперь не о чем, что я считаю наши отношения с ним навсегда конченными»¹⁶⁹.

В зимние месяцы 1918 г. Бунин еще продолжал заниматься подготовкой своего собрания сочинений. По привычке, так же тщательно, как всегда, Бунин выверял каждую строку, негодовал на опечатки, заботился об оформлении своих книг, в которых он дал превосходные картины жизни старой России. Он-то думал, что знал ее до конца! Теперь у него были серьезные основания усомниться в этом. 9 февраля 1918 г. в бунинском дневнике сделана запись: «Потом читал корректуру своей „Деревни“ для горьковского книгоиздательства „Парус“. Связал меня черт с этим заведением! А „Деревня“ вещь все-таки необыкновенная. Но доступна только знающим Россию. А кто ее знает?»¹⁷⁰

Стоит отметить, что весной 1918 г. Горький также вернулся к мыслям о мужике, вызванным в свое время спорами о бунинской «Деревне». Он посвятил этому вопросу специальный пассаж в «Несвоевременных мыслях», который, надо думать, пришелся Бунину не по вкусу, хотя автор статьи как будто бы защищал его от старых нападок: «Иван Бунин мужественно сгустил темные краски — Бунину сказали, что он — помещик и ослеплен классовой враждой к мужику. И, конечно, не заметили, что писатели-крестьяне — Ив. Вольный, Семен Подъячев и др. — изображают мужика мрачнее Чехова, Бунина и даже мрачнее таких, уже явных и действительных врагов народа, как, например, Родионов, автор нашумевшей книги „Наше преступление“»¹⁷¹.

Среди бумаг Бунина осталась вырезка статьи, в которой эти строки подчеркнуты им¹⁷². Горький напомнил об упреках, выводивших Бунина из себя, по поводу них он неоднократно объяснялся в печати, считая параллель с Родионовым «чертовым

соседством». Замечание Горького сыпало соль на старые раны как раз в тот момент, когда Бунин был действительно ослеплен «классовой враждой», и не только к мужику, а к восставшему и разгневанному народу, не желавшему больше жить, как жили веками бунинские дурновцы. Перечитывая «Деревню», Бунин убеждался, что сбываются самые мрачные предчувствия, владевшие им при написании этой книги. Его политический консерватизм, до времени скрытый и неоформленный, приобретает в дни революции более отчетливый характер, чем когда-либо прежде. В сознании автора «Деревни» совершалась глубокая переоценка людей и связей, определявших во многом его собственную литературно-общественную ориентацию. Отношение к большевикам, к существующей власти, к революции — вот то главное, что в конечном счете разделило Горького и Бунина и привело их к разрыву.

До мая 1918 г. Бунин оставался в Москве. Среди его московских записей этого времени упоминания о Горьком встречаются неоднократно и каждый раз с неприязнью и раздражением. Нет сомнений, что до самого отъезда из Москвы Бунин продолжал следить за статьями Горького в «Новой жизни», где тот перешел к резкой полемике с Лениным и большевиками. Судя по ряду замечаний в дневнике и письмах, Бунин не придавал особого значения этому спору, достигшему наибольшего накала в конце 1917 — начале 1918 г.

После того как Октябрьская революция стала свершившимся фактом, Горькому потребовалось определенное время, чтобы избавиться от иллюзий, растерянности, политического скептицизма, задававших основной тон его статьям в «Новой жизни». Невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и рождения нового общественного строя отразился в сознании Горького прежде всего болельно неслыханно тяжелыми для России родовых мук. Эта негативная, отрицательная сторона процесса, многократно осложненного бедствиями войны, разрухи, исторической отсталости страны, стояла перед его глазами во всей своей устрашающей реальности.

Вторая, более глубокая и определяющая, созидательная тенденция революции поначалу казалась Горькому слишком слабой. Но именно ей принадлежало будущее. Горький почувствовал это раньше, чем исчезли последние разногласия, разделявшие его с большевиками. Провожая уходящий 1917 год, он писал: «Что даст нам Новый год? Все, что мы способны сделать. Но для того, чтоб стать дееспособными людьми, необходимо верить, что эти бешеные, испачканные грязью и кровью дни — великие дни рождения новой России»¹⁷³.

Вот пункт, от которого пути Горького и Бунина круто расходятся в разные стороны. К Горькому возвращалось утраченное чувство диалектики исторического процесса, «чувство будущего», которое всегда составляло самую сильную сторону его таланта. Этот внутренний процесс переосмысления революционной действительности и своего отношения к ней не был простым и легким. Горькому понадобилось еще несколько лет напряженнейших исканий, чтобы утвердиться на новой исторической точке зрения. То широкое и целостное осмысление современной эпохи, к которому Горький пришел в своих итоговых книгах, было поистине выстрадано им в первые послереволюционные годы.

В конечном счете Горький не только «принял» революцию, но и занял в ней место правофлангового социалистической культуры, которое по праву принадлежало ему как крупнейшему пролетарскому писателю, кровно связанному с рабочим движением России и всего мира. Исторический выбор, сделанный Горьким, был столь же закономерен и предопределен всей его литературно-общественной биографией, как и путь, избранный Буниным.

8

Еще до революции, на Капри, Бунин начал писать рассказ о смерти одинокого князя, с кончиной которого угасает целый дворянский род. Тогда рассказ остался недописанным. В 1918 г. Бунин вернулся к этому сюжету. Время расширило его потенциальную емкость, частный эпизод приобрел значение исторического символа. Рассказ назывался «Конец», а потом получил другое, более точное заглавие — «Исход».

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
ГОРЬКОГО БУНИНУ НА КНИГЕ
«СТАТЬИ. 1905—1916 гг.» (Пг., 1917):

«Любимому писателю и другу
Ивану Алексеевичу Бунину А. Пешков
2-е Апреля 17 г. Светлое Христово
Воскресенье. Петроград»

Титульный лист

Архив А. М. Горького, Москва

М. ГОРЬКИЙ.

СТАТЬИ.

1905—1916 гг.

*Любимому писателю и другу
Ивану Алексеевичу Бунину
А. Пешков
2-е Апреля 17 г.
Светлое Христово
Воскресенье
Петроград*

ИЗДАНИЕ ВО «ПАРУСЪ» ПЕТРОГРАДЪ.
А. Н. ТИЗОНОВА.

Многозначительна встреча князя за неделю до смерти с мужиком, его ровесником, который еще ворочает мешками на мельнице.

«А уж и худ ты! — холодно и пренебрежительно сказал он князю, хотя прежде всегда говорил с ним почтительно. — Прямо никуда! Нет, теперь тебе житья немного. Тебе лет семьдесят будет?» — «Пятьдесят первый», — сказал князь. — «Пятьдесят первый! — насмешливо повторил старик, возясь с веретнем. — Не может того быть, — твердо сказал он, — ты намного старше меня». — «Вот дурак, — усмехнувшись, сказал князь, — да ведь мы росли вместе». — «Ну, росли, не росли, а житья тебе теперь немного», — сказал старик, натуживаясь, и, приподняв и прижимая к груди тяжелую, полную рожью меру, поспешно, приседая, пошел в шумящую, белую от муки мельницу ...» (5, 14).

Хотя князь и мужик росли вместе, отпущенная им мера жизни оказалась разной. Один до старости истратил все свои жизненные силы, зачах, одряхлел, другой, натуживаясь, продолжает нести свою тяжелую ношу. То же самое можно сказать и об исторической судьбе классов, к которым они принадлежали. Смерть одинокого бездетного князя воспринимается как символ гибели целого сословия. Давно уже мощь дворянства как «первого сословия» государства была подорвана. Более четверти века Бунин писал об этом, правдиво отмечая все признаки оскудения и вырождения дворянских родов. Теперь, когда революция подрубила последние корни, связывавшие дворянство с землей, Бунину осталось констатировать мрачный исход.

«Чего жалеть, — серьезно сказала Наташа, опять входя и отодвигая ящик комода, вынимая оттуда чистое белье, простыни и наволочку на подушку. — Умерли смирно, всем так дай бог. А жалеть их некому, никого после себя не оставили, — прибавила она и опять вышла» (5, 13—14).

Бунин строго держится правды конкретного эпизода, доподлинных обстоятельств человеческой смерти как неизбежного исхода всякого индивидуального бытия. Лишь дата, поставленная под рассказом — 1918, является своего рода историческим знаком бунинского сюжета. Молодой дворянин Бестужев перед постелью умершего князя

«все старался что-то понять, собрать мысли, ужаснуться. Но ужаса не было. Была только удивленность, невозможность осмыслить, охватить происшедшее...»

Эти чувства — лишь слабый отзвук того, что испытал сам Бунин, переживая социальную катастрофу, постигшую русское дворянство в дни революции. Между актом индивидуальной смерти, всегда тревожившей его воображение (не случайно Бунин так упорно возвращался к этой теме), и гибелью целого класса, которому он пропел отходную своим творчеством, была дистанция огромного размера. Бунин не рассматривал эту катастрофу как узкосословную, в его глазах это было общенациональное крушение, распад всех основ русской государственности, морали, культуры. В безуспешных попытках что-то понять, осмыслить, охватить происшедшее он возроптал против исторически справедливого приговора, вынесенного в Октябре 1917 г. всей старой дворянско-помещичьей, буржуазной России, и достиг при этом крайних степеней классового ослепления.

Книга Бунина «Окаянные дни», составленная из дневниковых записей 1917—1919 гг., дает картину разрушительной внутренней ломки, пережитой им в это время. Как произведение прозы эта книга не имеет никакой ценности. Здесь Бунина оставляет не только исторический разум, но и талант. Все искажено самой грубой и реакционной тенденциозностью. Нет здесь ни России, ни ее народа в дни революции, ни прежнего Бунина-художника. Среди разрозненных заметок «для себя» в бумагах Горького сохранилась запись, относящаяся к 1925 г.: «Очень плох И. А. Бунин в своих „Окаянных днях“. Истерика Леонида никогда не удивляла меня. Леонид был невежествен и слишком напряженно желал, чтобы весь мир, притаив дыхание, слушал только голос Андреева. Бунин — умен по природе, достаточно образован. Видеть его в состоянии столь болезненного бешенства и обидно, и противно. И жалко художника. Пропал художник»¹⁷⁴.

Если раньше Бунин избегал прямых вмешательств в политику, сторонился всякой партийности, сохраняя при этом связь с прогрессивными литературно-общественными кругами, то теперь он отдался политическим эмоциям темного, едва ли не монархического толка. Подобная метаморфоза требовала решительного пересмотра многого из прежних взглядов, тяготений, симпатий. И этот пересмотр не замедлил последовать.

Та общественная позиция, которую Бунин занимал прежде, до революции, кажется ему уже слишком либеральной, чересчур нетерпимой по отношению к старому российскому режиму. Еще более резким был его разрыв с современным демократическим лагерем в литературе, точнее, ближайшим литературным кругом Горького, к которому Бунин тяготел без малого двадцать лет. Эта неотъемлемая часть собственной духовной биографии вызвала теперь у него злые и безутешные сожаления. Бунина терзала мысль, что некогда он мог думать и чувствовать иначе, чем теперь, что был он дружен и ласков с людьми, по отношению к которым испытывал ныне глубочайшее отчуждение. Имя Горького отныне прочно связывается в сознании Бунина с чуждым ему миром народной революции и советской власти.

Переоценка ценностей захватывает у Бунина по существу все литературно-общественное движение конца XIX — начала XX в. Лишь великие старшие современники — Лев Толстой и Чехов — навсегда остались для него незыблемыми авторитетами. Вся же младшая демократическая ветвь новой русской литературы и в особенности те писатели, которые приняли революцию, потеряли в его глазах многие прежние достоинства.

При воспоминаниях о давней дружбе с Горьким Бунин был готов отречься от всего. Он и сделал это публично, выступив в 1930 г. с чтением своих литературных мемуаров в большом концертном зале Гаво в Париже (текст их затем был опубликован почти без изменений). Все, что было сказано в этих воспоминаниях, относилось не столько к жанру литературных мемуаров, сколько к разряду литературного пасквиля — так грубо, тенденциозно, антихудожественно (даже в памфлетном смысле) подавались мемуаристом эпизоды его первых встреч с Горьким, отношение к Горькому Чехова и многое, многое другое.

Горький не стал отвечать в печати на истоптанные речи бывшего друга и соратника. Однако еще при жизни он предоставил для публикации около пятидесяти старых писем

Бунина, которые были красноречивее любого ответа. Публикацию своих писем к Горькому Бунин встретил болезненно. Он готов был поставить под сомнение даже свою былую искренность, лишь бы прежняя правда не колола глаза. Об этом ударе он не забыл даже при составлении своего литературного завещания, в котором заклинал предать сожжению все старые письма, когда-либо им написанные. «Я писал письма почти всегда дурно, небрежно, наспех, и не всегда в соответствии с тем, что я чувствовал, — в силу разных обстоятельств (один из многих примеров — письма к Горькому, которые он, не спросив меня, отдал в печать)»¹⁷⁵. На склоне лет Бунин отрекся от дружбы с Горьким и от лучших страниц своего собственного прошлого.

По отношению к Бунину Горький до конца жизни сохранил неизменную в своей последовательности историческую точку зрения. Горький никогда не смеивал и не ставил на одну доску Бунина-художника и Бунина-эмигранта, хотя отношения писателей сломались резко и бесповоротно.

В советские годы у Горького окончательно складывается отношение к Бунину как живому классику русской литературы, крупнейшему ее мастеру и признанному стилисту. В статье «Семен Подъячев» (1923) Горький вернулся к своей идее о новом качестве русской литературы в ее отношении к народу — в произведениях Чехова, Бунина, Подъячева и Вольнова: «В художественной литературе первый сказал о мужике новое и веское слово В. Г. Короленко в рассказе „Река играет“, затем А. П. Чехов написал один за другим три замечательных рассказа: „Мужики“, „Новая дача“ и „В овраге“, — его рассказы были приняты народнически верующей публикой враждебно, как хула на мужиков. Но вслед за Чеховым еще более определенно отрицательно начал писать о деревне И. А. Бунин; его отношение к ней и к мужику особенно сурово в рассказах „Ночной разговор“, „Сто восемь“, „Захар Воробьев“ и большой повести „Деревня“. Всего красноречивее и убедительнее в пользу правдивости и верности наблюдений Бунина и Чехова над жизнью деревни говорит сама деревня устами писателей-мужиков: подмосковного мужика Семена Павловича Подъячева и орловского — Ивана Егоровича Вольнова, в книге которого „Юность“ деревня окрашена еще более мрачными красками, чем краски Бунина и Чехова»¹⁷⁶.

В освещении народной темы Бунин доводит до конца, до логического завершения критическую направленность реализма своих предшественников. Но как творчество самого Бунина не исчерпывается деревенской, крестьянской темой, так и значение его реализма не замыкается рамками эволюции народной темы в русской литературе. Горький сознавал это лучше, чем кто-либо, когда ставил Бунина-художника в один ряд с великими русскими писателями XIX в. Обращаясь к молодым авторам, Горький формулировал вполне определенную литературную программу:

«Учитесь, — писал он в ноябре 1927 г. Н. Маркелову. — Читайте мастеров словесного искусства: Гоголя, Льва Толстого, Тургенева, Чехова, Бунина, внимательно читайте Лескова. Думайте над тем, как они расставляют слова, почему они изображают вещи, людей, животных так, что вы почти видите все это»¹⁷⁷.

Изобразительную мощь реализма Толстого Горький рассматривал как высшее завоевание русской литературы. Среди немногих писателей, которые в какой-то мере удержали это качество, он назвал в 1931 г. Ивана Бунина: «Пластике, рельефности, почти физической ощущаемости изображаемого следует учиться у Толстого. Это писатель, не превзойденный в смысле того, как дать такой образ, что в него буквально хочется пальцем ткнуть. А затем идут все те писатели, которые шли от него, например, Бунин»¹⁷⁸.

Таким образом, в историко-литературной концепции Горького Бунин неизменно выступает как художник, завершивший своим творчеством эпоху критического реализма в русской литературе. Это историческое место делает фигуру Бунина чрезвычайно значительной и для характеристики общих особенностей русского критического реализма на заключительной стадии его развития, и для осознания масштабов того перелома, который произошел в русской литературе вместе с Октябрьской революцией. Отношения Бунина и Горького, оцененные под этим углом зрения, демонстрируют не только связь, но и перерыв постепенности, исторический разрыв, переход всего литературного развития в новое качество.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ М. Горький. <О Бунине>. — «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 92.
- ² Письмо 3 июня 1925 г. — «Архив Горького», т. VII, стр. 122.
- ³ Письмо 20 августа 1910 г. — «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 49.
- ⁴ По вопросу о взаимоотношении творческого метода Чехова и Бунина до настоящего времени существуют разногласия (см. в настоящей книге статью Э. А. Полоцкой «Чехов в художественном развитии Бунина»).
- ⁵ Одним из первых в советском литературоведении проблемой творческих связей Горького и Бунина занялся С. Касторский, которому принадлежат вступительная статья и примечания, сопровождающие публикацию 46 писем Бунина к Горькому («М. Горький. Материалы и исследования», т. II. М. — Л., 1936, стр. 383—460). Эта же проблема рассматривается в статье С. Касторского «Горький и Бунин» («Звезда», 1956, № 3) и других, более поздних его работах. Однако ни по документальным материалам, ни с точки зрения общей концепции эти работы не отвечают современному уровню изучения русской литературы XX в.
- ⁶ О Чехове. — Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 241—242; см. также настоящ. кн., стр. 247.
- ⁷ Горький, т. 28, стр. 77.
- ⁸ Письмо от апреля-мая 1899 г. — «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 12.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ «Архив Горького», т. VII, стр. 11.
- ¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 46, стр. 25.
- ¹² «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 14.
- ¹³ Письмо от середины августа 1900 г. — Там же, стр. 15.
- ¹⁴ Там же, стр. 16.
- ¹⁵ Там же, стр. 18—19. Горький имеет в виду стихотворение Бунина «На распутье», посвященное В. М. Васнецову. Об этом стихотворении и отношениях Бунина с издательством «Скорпион» см. «Переписку с В. Я. Брюсовым» (настоящ. том, кн. 1).
- ¹⁶ «Лит. наследство», т. 68, стр. 410.
- ¹⁷ Там же, стр. 411.
- ¹⁸ «Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения», т. V. М. — Л., 1960, стр. 132.
- ¹⁹ См. настоящ. том, кн. 1, стр. 514.
- ²⁰ Там же, стр. 515.
- ²¹ Горький, т. 28, стр. 131.
- ²² И. А. Белоусов. Литературная среда. Воспоминания. 1880—1928. М., «Никитинские субботники», 1928, стр. 117.
- ²³ «Лит. наследство», т. 72, стр. 89.
- ²⁴ ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 50. Приведенная записка позволяет точно установить день чтения Горьким пьесы «На дне» в доме Л. Андреева. В «Летописи Горького» (вып. 1, стр. 403) чтение датируется приблизительно, между 27 и 29 сентября 1902 г.
- ²⁵ «Записки писателя», стр. 102.
- ²⁶ К. Чуковский. Наши гости. — «Одесские новости», 1902, № 5843, 28 декабря. См. настоящ. том, кн. 1, стр. 360.
- ²⁷ «Автобиографическая заметка». — Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 263.
- ²⁸ Письмо 10 марта 1927 г. — «Архив Горького», т. VII, стр. 128.
- ²⁹ Деловая и организационная сторона отношений Горького с издательством подробно освещена в статье В. Голубева «М. Горький и „Знание“» («Звезда», 1938, № 10), а также в обстоятельном исследовании Ю. М. Олейникова «М. Горький и „Знание“» («Ученые записки» ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 58. Л., 1947).
- ³⁰ Письмо между 13 и 17 октября 1901 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 41.
- ³¹ Там же, стр. 42.
- ³² АГ. Переписка «Знания», 11—1—2.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Письмо 25 октября 1901 г. — ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 281.
- ³⁵ «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 19. Письмо здесь ошибочно датировано («март, до 8-го, 1901») по времени приезда Горького из Петербурга в Москву 9 марта 1901 г. Между тем, речь в письме идет о приезде Горького в Москву 8 ноября 1901 г. по пути из Нижнего Новгорода в Крым (см. АГ. Переписка «Знания», 11—1—3. Письмо Бунина Пятницкому 28 октября 1901 г.).
- ³⁶ Письмо между 19 и 24 ноября 1901 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 53.
- ³⁷ См. настоящ. том, кн. 1, стр. 430—432.
- ³⁸ Письмо 5 января 1902 г. — АГ, КГ—п—63—1—1. А. А. Карзинкин не был издателем книги Бунина «Новые стихотворения» (М., 1902) — по просьбе автора Телешов и Карзинкин лишь наблюдали за изданием, сносились с владельцем типографии и т. п. (см. настоящ. том, кн. 1, стр. 539).
- ³⁹ Письмо 10—11 января 1902 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 68.
- ⁴⁰ Письмо 27 июня 1902 г. — «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 22.
- ⁴¹ Письмо после 27 июня 1902 г. — АГ. Переписка «Знания», 11—1—25.

Письмо 2—3 июля 1902 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 92.

⁴³ См. сб. «М. Горький и поэты „Знания“». «Библиотека поэта». Большая серия. Вступит. статья и примеч. С. Касторского. Л., 1958.

⁴⁴ «Архив Горького», т. IV, стр. 118.

⁴⁵ Отчет (Академии наук) о пятнадцатом присуждении премии имени А. С. Пушкина. СПб., 1903, стр. 7—8.

⁴⁶ «Архив Горького», т. IV, стр. 106.

⁴⁷ АГ. Переписка «Знания», 11—1—21.

⁴⁸ «Архив Горького», т. IV, стр. 145.

⁴⁹ АГ. Переписка «Знания», 11—1—33. О работе Бунина над переводами мистерий Байрона см. также настоящ. кн., стр. 490—491.

⁵⁰ Критик охранительного направления Н. Я. Стародум (Стечъкин) тогда же указал на тактические цели, которые преследовали организаторы сборников «Знания»: «Они могут выходить в свет, подчиняясь общим правилам выпуска книг, имеющих свыше десяти печатных листов объема и не подлежащих в столицах предварительной цензуре. Выпуск вместо журнала подобных периодических изданий — не новость <...> Таким же подобием журнала представляется и сборник „Знания“» («Русский вестник», 1904, № 5, стр. 788).

⁵¹ «Записки писателя», стр. 53.

⁵² Письмо 9 марта 1903 г. — «Архив Горького», т. VII, стр. 44.

⁵³ АГ. Переписка «Знания», 11—1—30.

⁵⁴ АГ. Переписка «Знания», 11—1—31.

⁵⁵ Письмо 12—13 декабря 1903 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 144.

⁵⁶ А. П. Чехов. Письмо 13 апреля 1904 г. — Полн. собр. соч. и писем, т. XX. М., 1951, стр. 268.

⁵⁷ М. Неведомский. О современном искусстве (По поводу сборника «Знания»). — «Мир божий», 1904, № 10, отд. II, стр. 139.

⁵⁸ «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 29.

⁵⁹ Письмо около 20 ноября 1904 г. — Там же, стр. 35. О работе Бунина над очерком «Памяти Чехова» см. также настоящ. том, кн. 1, стр. 557—559.

⁶⁰ Александр Блок. Собр. соч., т. 5. М. — Л., 1962, стр. 116.

⁶¹ «Архив Горького», т. V, стр. 147—148.

⁶² Горький, т. 23, стр. 336.

⁶³ См. И. Н. Ович. М. Горький в эпоху первой русской революции, изд. 2. М., 1960, стр. 81—134.

⁶⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 239.

⁶⁵ «Летопись Горького», вып. 1, стр. 513.

⁶⁶ «Русская литература», 1963, № 2, стр. 182.

⁶⁷ См. «Жизнь Бунина», стр. 162.

⁶⁸ «Материалы», стр. 96—97.

⁶⁹ «Жизнь Бунина», стр. 165—166.

⁷⁰ Горький, т. 28, стр. 391.

⁷¹ См. В. Я. Орлова. М. Горький — участник первой русской революции. — Сб. «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов». М., изд-во АН СССР, 1957, стр. 152—155.

⁷² Ф. И. Драбкина. В дни декабрьского восстания. — Там же, стр. 93.

⁷³ «Архив Горького», т. IV, стр. 193.

⁷⁴ «Жизнь Бунина», стр. 166.

⁷⁵ Письмо между 3 и 7 июля 1905 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 184.

⁷⁶ Письмо 21 июля 1905 г. — «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 38.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, стр. 24. Письмо ошибочно датировано здесь началом августа 1903 г. В комментариях оно связано с выпускным томом «Стихотворений» Бунина (Собр. соч., т. 2, 1903); между тем речь идет о книжке: Ив. Бунин. Стихотворения. Дешевая библиотека товарищества «Знание», № 89. СПб., 1906. Являясь ответом на письмо Бунина 21 июля 1905 г., настоящее письмо Горького было написано не раньше конца июля — начала августа 1905 г.

⁷⁹ «Архив Горького», т. IV, стр. 185.

⁸⁰ Письмо около 28 сентября 1908 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 261—262.

⁸¹ См. И. Корецкая. Горький и Куприн. — «Горьковские чтения 1964—1965». М., 1966, стр. 142—145.

⁸² Письмо от марта 1907 г. — «Архив Горького», т. VII, стр. 59.

⁸³ О деловой и фактической стороне этих отношений подробнее см. А. Н. Иванов. Бунин в «Знании». — «Русская литература», 1964, № 1, стр. 184—201.

⁸⁴ «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 42.

⁸⁵ АГ. Переписка «Знания», 10—24—45.

⁸⁶ «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 45.

⁸⁷ «Одесский листок», 1910, № 58, 12 марта. Воспроизведено: «Новый мир», 1965, № 10, стр. 224.

⁸⁸ Письмо 15 июня 1910 г. — «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 48.

- ⁸⁹ В. В. Воронский. Литературная критика. М., 1971, стр. 302.
- ⁹⁰ «Голос Москвы», 1912, № 245, 24 октября. Воспроизведено: «Новый мир», 1965, № 10, стр. 227—228.
- ⁹¹ И. Бунин. Собр. соч. 1965—1967, т. 1, стр. 14.
- ⁹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 209.
- ⁹³ «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 44.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ В литературе о Горьком и Бунине долго держалась ошибочная версия о том, что «старичок», задевший воображение автора «Деревни», — Матвей Кожемякин из «окуровских» повестей Горького. Впервые эту версию выдвинул С. Касторский в статье «Из русских характеров в творчестве М. Горького» («Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 58, Л., 1947, стр. 93—95). О. Михайлов в специальной статье «„Деревня“ Бунина и М. Горький» писал, что «говоря о „задевшем“ его старичке, Бунин мог иметь в виду и Тунова, пытливого мещанина-философа, исходившего Русь, и окуровского летописца, застенчивого и самоуглубленного „канатчика“ Матвея Кожемякина» («Горьковские чтения 1964—1965», стр. 48). Указанное предположение поддерживал и автор этих строк (см.: А. Н. Ионов. «Талантливейший художник русский...» К столетию со дня рождения И. А. Бунина. — «Нева», 1970, № 10, стр. 187). При подготовке к публикации газетных интервью Бунина для настоящего тома «Лит. наследства» И. С. Газер отметила хронологическую натяжку этой версии и указала, что Бунин имел в виду «Исповедь». (См. настоящ. том, кн. 1, стр. 368.) Это указание полностью подтверждается материалами. Взаимодействие между замыслами Горького и Бунина осуществлялось по более сложной цепи, чем представлялось прежде: «Исповедь» — «Лето» — «Деревня» — «Городок Окуров» — «Жизнь Матвея Кожемякина». В окуровских повестях мысли о Руси и ее истории развиты Горьким под новым углом зрения, во многом параллельно бунинской «Деревне».
- ⁹⁶ «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 43—44.
- ⁹⁷ Там же, стр. 45.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ «Биржевые ведомости», веч. вып., 1909, № 11348, 6 октября.
- ¹⁰⁰ В. Батуринский. «Деревня». Новая повесть Ив. Бунина. — «Утро России», 1910, № 119/86, 2 марта.
- ¹⁰¹ «Одесский листок», 1910, № 58, 12 марта. Воспроизведено «Новый мир», 1965, № 10, стр. 224.
- ¹⁰² «Одесские новости», 1910, № 8117, 16 мая. Воспроизведено: Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 532—539.
- ¹⁰³ Письмо 8—9/21—22 июня 1910 г. — «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 46.
- ¹⁰⁴ Там же, стр. 47.
- ¹⁰⁵ Там же, стр. 49—50.
- ¹⁰⁶ Там же, стр. 50.
- ¹⁰⁷ Там же, стр. 51.
- ¹⁰⁸ Там же, стр. 50.
- ¹⁰⁹ Л. Войтовский. Новая повесть И. А. Бунина «Деревня». — «Киевская мысль», 1910, № 328, 27 ноября.
- ¹¹⁰ См. настоящ. том, кн. 1, стр. 296 и 309—310.
- ¹¹¹ Впервые это отметила Л. Крутикова в статье «Из творческой истории „Деревни“ И. А. Бунина». — «Русская литература», 1959, № 4, стр. 134.
- ¹¹² «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 50.
- ¹¹³ «Горьковские чтения 1964—1965». М., 1966, стр. 51. См. также его статью в настоящ. томе, кн. 1, стр. 20—21.
- ¹¹⁴ «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 53.
- ¹¹⁵ А. Бурнакин. Литературные заметки. Пасквиль на Россию. — «Новое время», 1911, № 12543, 11 февраля.
- ¹¹⁶ «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 53.
- ¹¹⁷ Там же, стр. 56.
- ¹¹⁸ «Материалы», стр. 167.
- ¹¹⁹ См. настоящ. том, кн. 1, стр. 601.
- ¹²⁰ М. Ф. Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи и документы. М., 1968, стр. 216.
- ¹²¹ Бунин. Собр. соч. 1956, т. 2, стр. 407.
- ¹²² Письмо ок. 28 декабря 1911 г. — «Архив Горького», т. VII, стр. 103.
- ¹²³ «Листи М. М. Коцюбинського до О. І. Аплаксіної». Київ, 1939, стр. 212.
- ¹²⁴ «На родной земле», стр. 307, с неверной датой: 12 ноября 1912 г.
- ¹²⁵ М. Коцюбинский. Собр. соч., т. 3. М., 1951, стр. 331.
- ¹²⁶ «Одесские новости», 1912, № 8659, 1 марта. Воспроизведено: Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 542—545.
- ¹²⁷ Горький, т. 29, стр. 228.
- ¹²⁸ «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 69—70. Оригинал приветствия хранится в ГМТ; его подписали также: А. Золотарев, Б. Тимофеев, А. Прибой, Л. Старк, К. Пятницкий, В. Каменский и др.

- 129 «В большой семье», стр. 250.
- 130 «Вечерние известия газеты „Коммерсант“». М., 1913, № 172, 4 мая. Воспроизведено: Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 545—547 (название газеты указано здесь неверно).
- 131 О журнально-издательских планах и начинаниях в эти годы см. А. Н и н о в. М. Горький и И. Бунин на Капри (Биографические этюды). — «Горьковские чтения 1964—1965», М., 1966, стр. 84—117.
- 132 См. «Летопись Горького», вып. 2, стр. 324.
- 133 «Материалы», стр. 183—184.
- 134 АГ. ПГ — рл — 11—16—5. Фотокопия.
- 135 АГ. ПГ — рл — 47—29—7.
- 136 См. примеч. 130.
- 137 И. А. Б у н и н. Собр. соч. 1934—1936, т. I, стр. 64.
- 138 «Новый мир», 1937, № 6, стр. 17.
- 139 Подробнее об этом эпизоде см. А. Н и н о в. За строками одной статьи. — «Вопросы литературы», 1970, № 7, стр. 146—153.
- 140 «Летопись Горького», вып. 2, стр. 456.
- 141 «Новый мир», 1937, № 6, стр. 17.
- 142 См. «Материалы», стр. 203.
- 143 «Биржевые ведомости», 1915, № 14753, 30 марта (утренний выпуск).
- 144 Письмо 15 октября 1915 г. — «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 81.
- 145 В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 38.
- 146 М. Г о р ь к и й. Две души. — «Летопись», 1915, декабрь, стр. 126.
- 147 См. А. О в ч а р е н к о. Публицистика М. Горького. М., 1965, стр. 335—344.
- 148 В. И. Л е н и н. Письмо А. М. Горькому, 13 или 14 ноября 1913 г. — Полное собрание сочинений, т. 48, стр. 227—228.
- 149 «Одесские новости», 1916, № 10046, 26 апреля. Воспроизведено: Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 547—548.
- 150 «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 80.
- 151 «Материалы», стр. 204.
- 152 К. Д. Муратова указывает на стихотворение Бунина «Слово» как на прямой ответ журнала Л. Андрееву — автору напущенной статьи «Пусть не молчат поэты» («Лит. наследство», т. 72, стр. 49). Он призывал поэтов не молчать, когда говорят пушки, включиться в патриотический хор голосов, благословляющих русское воинство.
- 153 Эти ключевые 11 строк Бунин опустил в т. 5 Собр. соч. 1934—1936. В Собр. соч. 1965—1967 они приведены в разделе «Из ранних редакций» (т. 1, стр. 498). Цветное изображение крылатого архангела Михаила из номера в номер украшало обложку шовинистического журнала «Отечество». Таким образом, заключительные строки «Архистратига» имели прямой полемический смысл.
- 154 «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 85.
- 155 Там же, стр. 88.
- 156 «Материалы», стр. 211.
- 157 «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 88.
- 158 «Летопись Горького», вып. 3, стр. 25.
- 159 «Материалы», стр. 209.
- 160 Собр. соч. 1934—1936, т. I, стр. 64.
- 161 ЦГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 20, л. 52—53.
- 162 «Материалы», стр. 211.
- 163 ЦГАЛИ, ф. 126, оп. 1, ед. хр. 126, л. 20—20 об.
- 164 Цит. по сообщению: «Операция „Парус“». — «Вопросы литературы», 1964, № 6, стр. 139.
- 165 «Горьковские чтения 1958—1959», стр. 91.
- 166 Н. П. С м и р н о в - С о к о л ь с к и й. Последняя находка (подготовила к печати С. П. Ближниковская). — «Новый мир», 1965, № 10, стр. 213—221. В дальнейшем цитаты приводятся по этой публикации, без ссылок. В настоящее время тетрадь находится в отделе рукописей ГБЛ.
- 167 А. Б л о к. Собр. соч., т. 6. М. — Л., 1962, стр. 12—13.
- 168 ГИАЛО, ф. 1136, оп. 1, ед. хр. 1, л. 10—10 об.
- 169 Ив. Б у н и н. Воспоминания. Париж, 1950, стр. 129.
- 170 И. А. Б у н и н. Собр. соч. 1934—1936, т. X, стр. 45.
- 171 «Новая жизнь», 1918, № 58, 28 марта. Книга И. А. Родионова «Наше преступление. Не бред, а быль. Из современной народной жизни» вышла в свет в 1909 г. и после этого была несколько раз переиздана. В передовой печати эта книга, автор которой был земским начальником в Новгородской губернии, получила заслуженную оценку как реакционная, черносотенная клевета на русский народ.
- 172 Хранится в ГМТ (см. настоящ. кн., стр. 484).
- 173 «Новая жизнь», 1917, № 214, 31 декабря.
- 174 «Архив Горького», т. XII, стр. 242.
- 175 Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 480.
- 176 Г о р ь к и й, т. 24, стр. 240—241.
- 177 АГ. ПГ — рл — 25—43—1.
- 178 Г о р ь к и й, т. 26, стр. 90.